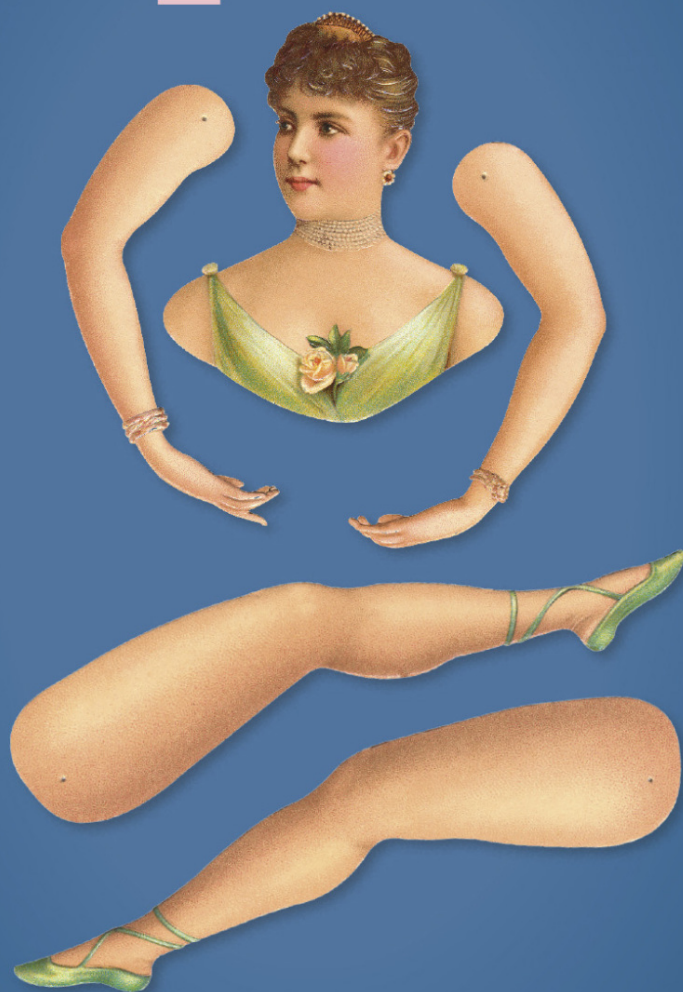

INSPIRIA

Всё хорошо

Мона Авад

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Мона Авад
Все хорошо

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 8484(7Сое)-44

Авад М.

Все хорошо / М. Авад — «Эксмо», 2021 — (Loft. Современный роман)

ISBN 978-5-04-186297-8

«Довольно, Елена, довольно, не плачь. Не то подумают, что ты не столько чувствуешь горе, сколько выказываешь его». — Уильям Шекспир «Всё хорошо, что хорошо кончается». Диапазон аллюзий Моны Авад простирается от шекспировских пьес до «Страха и отвращения в Лас-Вегасе» Хантера Томпсона и «Иствикских ведьм» Джона Апдайка, сочетая в себе остроумную сатиру, иронию, черный юмор и магический реализм. Миранда — преподаватель в колледже и блестящая актриса в прошлом. Ее карьера была разрушена несчастным случаем — она буквально свалилась со сцены. Теперь у нее болит спина. Спина и ноги. И бедра. На самом деле боль повсюду. Несмотря ни на что, ее цель — поставить со своими студентами самую неоднозначную пьесу Шекспира «Всё хорошо, что хорошо кончается» вместо любимого театра «Макбета». Так начинается это путешествие по искаженным реальностям Миранды, сюрреалистическое исследование хронической боли, темы дружбы и силы женского начала.

УДК 821.111-31(73)

ББК 8484(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-186297-8

© Авад М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мона Авад Всё хорошо

Mona Awad

ALL'S WELL

Copyright © 2021 by Mona Awad

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Кену

Часть первая

Глава 1

Я лежу на полу и против воли смотрю, как скверная актриса из рекламы обезболивающего рассказывает о своих фальшивых муках.

«То, что моя боль не видна, – жалобно говорит она в камеру, – не означает, что ее не существует». А потом корчит гримасу, которая, вероятно, должна олицетворять ее незримые страдания. Отчаянно морщится, будто борется с запором или переживает яростный, но мимолетный оргазм. Сжимает губы в тонкую линию. Тусклые глаза ее с укором взирают куда-то вдаль – на бога, наверное. В лице ни кровинки – и вот это выглядит довольно убедительно, хоть я и понимаю, что подобный эффект достигается искусным гримом и правильно выставленным светом. С помощью искусного грима и правильно выставленного света чего угодно можно добиться, мне ли не знать.

Теперь актриса судорожно трет плечо – очевидно, именно там и живет ее невидимая боль. Но по лицу сразу видно, что это ей нисколько не помогает. Разумеется, боль по-прежнему на месте, гнездится глубоко внутри. И нам немедленно демонстрируют это самое «внутри». На экране появляется прозрачное человеческое тело, центральную нервную систему в котором изображает тревожно-алая паутина. Она мигает, как елочная гирлянда. Видимо, потому что находится сейчас в диком напряжении. Вот отчего эта женщина так страдает. Нам снова показывают ее пепельно-серое лицо. Бедняжка корчится от боли во дворе своего загородного дома. А белокурые детишки виснут на ней, как развеселые дьяволята. Им-то невдомек, какие мучения доставляет матери алеющая у нее внутри паутина. Актриса умоляюще смотрит в камеру – вернее, прямо на меня. Реклама ведь контекстная, мне показывают ее на основании моих поисков запросов, ключевых слов, которые я неделями вбивала в «Гугл» в ту пору, когда еще надеялась поставить себе диагноз. Несчастливая измученная женщина глядит на меня в отчаянии. Ей очень нужно от меня кое-что. Очень нужно, чтобы я поверила в то, что ей больно.

Но, разумеется, я не верю.

* * *

Я лежу на покрытом колючим ковролином полу, задрал ноги под прямым углом к телу. Мои икры покоятся на жестком сиденье офисного кресла, ступни свисают с края. Одна рука на сердце, другая – на животе. В зубах дымится сигарета. В распахнутое окно, закрыть которое мне не по силам, влетают снежинки и опускаются на лицо. Предполагается, что такая поза должна снять нагрузку со спины и позволить мышцам правой ноги расслабиться. Кулак, стискивающий мою лодыжку под коленом, разожмется, и, поднявшись, я смогу распрямить ногу и не ковылять больше, как Ричард Третий. Если верить Марку, стоит мне полежать вот так, дать себе отдых, «взять у жизни тайм-аут», как мне сразу же станет легче. Я думаю о Марке. Марке – короле сухих игл и серебристых медицинских инструментов, Марке, своем в доску парне, чье лицо – воплощенная железобетонная уверенность в собственной правоте, обрамленная модной стрижкой. Марке, который всегда понимающе кивает на все мои жалобы, словно каждая из них – лишь этап великого восхождения, которое мы с ним совершим рука об руку.

Я лежу в предписанной позе, но легче мне не становится. Все левое бедро до самого колена по-прежнему медленно тлеет. Правая нога все такая же окаменелая, а ступню, хоть она и болтается в воздухе, кажется, вот-вот расплющит давящая на нее тяжесть. Она словно

оказалась под ножкой стула, на котором расселся необъятных размеров толстяк. Он настоящий садист. Улыбается мне, и на лице у него написано: «Я никогда отсюда не встану. Навечно застряну в этом якобы колледже, в котором ты якобы преподаешь. На этой твоей кафедре театроведения, занимающей две унылые комнаты в здании факультета английского языка. В этом твоём, как его, «кабинете»? Весьма замызганном, между прочим».

А этажом ниже, в жалком подобии театра, меня ждут студенты.

«Где вообще мисс Фитч?»

«Она вроде уже должна была прийти, разве нет?»

«У нас же репетиция через... Да вот прямо сейчас».

«Может, заболела?»

«Или напилась? Или колес своих наглоталась?»

«Или сошла с ума?»

Так и представляю себе своих студентов. Вот они, сидят на краю сцены, болтая своими длинными стройными ногами. Юные лица их светятся здоровьем, словно они – порождение самого солнца. Они сидят там и ждут, когда я, согнувшись в три погибели, проковыляю через двойные двери. Сидят и вполголоса меня проклинаят, готовые в любую минуту устроить бунт. Но пока я лежу на полу и смотрю на женщину с лицом «поверьте-я-ужасно-страдаю», этого не случится. Я и сама не раз корчила такую гримасу. Перед мужчинами в белых халатах, за спинами которых маячили толстые медсестры с мертвыми глазами. Перед мужчинами в голубых форменных поло, норовящих показать мне мультфильм про боль, живущую исключительно у нас в голове. Перед мужчинами в синих врачебных одеяниях, делавших мне инъекции в позвоночник и имевших неограниченный доступ к «валиуму». Перед участливыми медбратами с глазами Бемби, которые поначалу охотно хватили ручки и принимались резво записывать с моих слов историю болезни, но через время роняли их и начинали зевать, заплутавши в темных дебрях моих рассказов, которые никак не желали заканчиваться.

«Я совсем потеряла надежду, – говорит женщина из рекламы, – но потом доктор прописал мне «искоренин».

Тут на экране появляется подсвеченная волшебным белым светом таблетка. Одна половинка – желтая, как логотип популярнейшего американского фастфуда, другая – голубая, как форменное поло реабилитолога. Того, например, который как-то заявил мне про это самое лекарство: «Оно наверняка вам поможет». В углу его кабинета жался интерн/летописец и тщательно фиксировал наш диалог в ноутбуке, время от времени со страхом поглядывая на меня. А я стояла, потому что сидеть в то время физически не могла, возвышалась над ними обоими, как искривленное ветром дерево. Пачка этих таблеток до сих пор валяется где-то в ящике для нижнего белья среди стрингов и кружевных чулок, которые я больше не ношу, потому что внутри у меня все умерло.

Пытаюсь нажать кнопку «плей» в нижнем левом углу экранчика «Ютьюб», чтобы убрать этот жуткий ролик и включить тот, который я изначально собиралась посмотреть. «Все хорошо, что хорошо кончается» – пьеса, которую мы со студентами ставим в этом семестре – акт первый, сцена первая. Судьбоносный монолог Елены.

Ничего. В воздухе по-прежнему крутится желто-голубая таблетка.

«Воспроизведение начнется после рекламы», – обещает мне маленький прямоугольник в нижнем углу экрана. Выхода нет. Остается только лежать и слушать, как «искоренин» возвращает людям надежду. Кажется, это единственное обезболивающее, которое я не стала проговаривать, испугавшись описанных в инструкции побочных эффектов. Куда деваться? Расслабься и смотри, как дрянная актриска идиллически раскатывает на велосипеде вместе с любезным симпатичным мужчиной, своим фальшивым мужем. Явно надежный парень, даже клетки на его рубашке внушают уверенность в завтрашнем дне. Чем-то смахивает на мужика с упаковки бумажных полотенец, которые я покупаю в тщетной надежде расшевелить увядшую похоть.

И на моего бывшего мужа Пола. Разница только в том, что этот улыбается своей фальшивой жене. А не качает головой и не говорит: «Не знаю, Миранда, честно сказать, ты ставишь меня в тупик».

Тук-тук. В дверь стучат.

– Миранда?

Я затягиваюсь сигаретой. Теперь нам демонстрируют романтическое свидание. Актриса и ее фальшивый муженек ужинают в ресторане при свечах. Жрут устриц, чтобы отпраздновать ее возвращение из страны мертвых. Хлещут шампанское, поднимая тосты за ее вновь обретенное здоровье, забыв о том, что сочетать этот препарат с алкоголем строжайше запрещено. Он встает из-за стола и протягивает ей руку, приглашая потанцевать. А ее переполняют эмоции. В глазах блестят слезы. И вот эта женщина танцует, отрывается вместе со своим благоверным на дискотеке, существующей только в рекламе обезболивающих. Музыка нам не слышно. Предполагается, что зритель (я) сам вообразит ее себе, пока ласковый, благостный, не обремененный моральными терзаниями голос перечисляет возможные побочные эффекты лекарства, включающие почечную недостаточность и некоторые виды рака крови.

– Миранда, ты здесь? Пора начинать репетицию.

Мне стыдно за эту актрисулю, так неубедительно изображающую отвязное веселье на танцполе. Стыдно, как преподавателю актерского мастерства, как режиссеру. И все же, глядя, как она кружится со своим фальшивым мужем, растянув губы в фальшивой улыбке, радуясь тому, что избавилась от фальшивой боли, я спрашиваю себя: «А сама-то ты когда в последний раз танцевала?»

Тук-тук.

– Миранда, нужно спускаться.

Пауза, раздраженный выдох. И чудо – удаляющиеся прочь шаги.

А в рекламно-таблеточном мире тем временем наступает вечер. Просто вечер, на этот раз – не романтический. Воскресенье, время побыть с семьей. Актрисуля сидит в палатке со своими фальшивыми детьми, которых каким-то волшебным образом смогла выносить в затынутом паутиной чреве. И муженек рядом – с этим своим бумажно-полотенчатым торсом и улыбкой, как с тюбика зубной пасты. Он всегда рядом, заверяет эта улыбка. Он терпеливо ждал, пока жена вернется к нормальной жизни. Пока ее тело станет чуть больше похоже на человеческое. Герой, настоящий герой, убеждает меня реклама. Вокруг скачут их счастливые отпрыски. Потолок палатки увит рождественскими гирляндами, напоминая изображения рая периода раннего Нового времени. Женщина глядит на детей, на мерцающие огоньки и нежно улыбается. Лицо у нее теперь не дряблое и не серое. Кожа посвежела и приобрела почти нормальный оттенок. Лоб разгладился. Она победила запор, она справилась. Больше того, теперь она красит глаза. И мажет губы розовым блеском. А ее нежно-персиковые (румяна?) щеки словно светятся изнутри. Она даже в моде стала лучше разбираться. Потому что отныне ей не плевать, что на ней надето. Ведь боль больше не мучает ее. Там прямо так и написано большими блестящими белыми буквами: «НЕТ БОЛЬШЕ БОЛИ».

Но я не верю. Все это ложь! «Врете вы!» – говорю я экрану. А потом плачу. Плачу, хотя в посетившее актрисулю счастье поверила не больше, чем в недавнюю ее боль. Дурацкая слезинка выкатывается из глаза, стекает в ухо и плещется там, обжигая кожу. Этой нежно улыбающейся тетке, этой скверной актрисе все-таки удалось меня пронять. Вся левая нижняя часть моего тела медленно тлеет. Поясницу стискивает кулак. Толстый мужик поудобнее усаживается на стоящем на моей ступне стуле, разворачивает газету и читает котировки акций.

Но вот, наконец, начинается мой ролик. Тот самый, которого я ждала. Тот, где Елена произносит свой монолог, говорит – да, во вселенной все предрешено, но я смогу это изменить.

И в ту же секунду экран ноутбука гаснет. На черном фоне появляется и исчезает изображение разряженной батарейки.

Я представляю себе шнур питания, лежащий в черном мешочке на моем письменном столе, – серый и тусклый, как отстриженный волос ведьмы. Потом перевожу взгляд на розетку, расположенную за столом, – низко-низко, у самого пола. Воображаю, как встаю, вынимаю шнур, наклоняюсь и втыкаю в нее вилку.

А сама все лежу. И смотрю в черный экран, захватанный моими собственными пальцами.

На лицо все так же сыплется снег из распахнутого окна, закрыть которое я не могу, потому что мне больно наклоняться. И пускай сыплет. Я закрываю глаза. И курю. Научилась курить с закрытыми глазами – уже что-то.

Лицо овеивает ветер. «Я умираю, – думаю я. – Умираю в тридцать семь лет».

Толстяк, сидящий на установленном на моей ступне стуле, смотрит на меня, приподняв очки. И прихлебывает что-то похожее на шерри. «Твое здоровье», – скалится он. Очень довольный. Потом устраивается поудобнее и снова утыкается в газету.

Я протестующе качаю головой. И шепчу – ему и собственным сомкнутым векам: «Нет! Я хочу вернуть свою жизнь! Хочу вернуть ее!»

– Эй, Миранда, ты тут? Миранда?

Кто-то негромко стучит в полуоткрытую дверь. И снова раздается голос, от которого я невольно внутренне подбираюсь. Ярче вспыхивает пламя, крепче сжимаются кулаки, толстый мужик поднимает взгляд от газеты. Как звонко звенят в этом голосе нью-эйджевские колокольчики. Сколько в нем притворной заботы, показного утешения и тщательно продуманной стратегии. Этот голос частенько звучит в моих кошмарах. Голос Фов. Самопровозглашенного музыкального руководителя. Моего помощника. И врага.

– Миранда? – окликает этот голос.

Я не отвечаю.

А она, должно быть, обдумывает сложившуюся ситуацию. Может, ей даже видны мои торчащие над столом ступни.

– Миранда, ты там? – снова пытается достучаться до меня она.

Я все так же молчу. Ну да, прячусь. И что?

Наконец, я слышу, что она уходит. Тихие шаги удаляются прочь. Я вздыхаю с облегчением.

Но тут раздается новый голос. Решительный. Резкий. И все же не лишенный любви. Или мне просто хочется так думать.

– Миранда?

– Да?

Грейс. Моя коллега. Моя ассистентка. Моя... в последнее время я не решаюсь сказать «подруга». Мы с ней – единственные преподаватели некогда процветавшей, а ныне прозябающей институтской программы театроведения. Те самые сучки с факультета английского языка. Руководство безжалостно порезало нам учебные планы, оставив от них жалкие крохи. И это наша с Грейс общая боль. Разница в том, что у Грейс должность постоянная. А я, вот уже четыре года занимающая в колледже место доцента, нахожусь в куда более шатком положении.

– Где ты? – спрашивает она.

– Тут, – отвечаю я.

Наконец-то заметив меня, она решительно топает к моему столу. На ногах у нее «Тимберленды», хотя никаких гор в округе и близко нет. А поверх кофты, разумеется, надет охотничий жилет. Камуфляжный и, скорее всего, непромокаемый. Грейс всегда одета так, будто вот-вот прицелится и со спокойной совестью метко подстрелит добычу. Или же отправится в долгий опасный поход по горам. И каким бы ни был коварным и сложным рельеф, нога ее во время восхождения ни разу не оступится. Она еще и насвистывать станет себе под нос. А своим топотом распугает всех хищников в округе. Однако сейчас он приближается ко мне –

этот символ ее несокрушимого здоровья, от звука которого у меня душа уходит в пятки. Глаз я не открываю. И пытаюсь силой мысли заставить ее уйти. Интересно, получится?

Нет.

Ботинок замирает возле моей головы, почти упираясь носком в висок. Сейчас как поднимет ногу да наступит мне на лицо. Может, где-то в глубине души Грейс этого и хочется. Ведь именно так полагается поступать со слабаками. Она у нас из первопоселенцев, из древнего пуританского рода. Это ее прародительницы сжигали на кострах ведьм. Женщины, не знавшие простуд. Крепкие, несгибаемые, крутобедрые. Не дававшие спуску соплячкам, бездельницам и любительницам жечь шалфей¹. Я представляю их себе – прапрабабушек Грейс в перешитых под платя мешках из-под картошки, украшенных бледными увядшими цветами. Вот они стоят на Плимутском камне или каком-нибудь другом неприветливом берегу. Может быть, даже с вилами в руках. Темные тусклые волосы их скручены в тугие пучки, а выбившиеся пряди развеваются на ветру, предвещающем конец света, пережить который под силу им одним.

Маленькие яркие глазки Грейс скользят по мне, оценивая ситуацию. Взгляд ее я ощущаю на себе так же остро, как и то, что здоровье, которым она пышет, – неподдельное, не является следствием искусно наложенных румян. Грейс не спрашивает, зачем это я с засыпанным снегом лицом лежу перед отрубившимся ноутбуком. Она уже не первый раз застаёт меня на полу в странной позе. По поводу строжайше запрещенного в здании факультета курения она тоже ничего не говорит.

Просто подходит к окну и берется за створку.

– Или, может, ты хочешь, чтоб я его оставила открытым? – спрашивает она, отлично зная ответ.

– Нет-нет, – отзываюсь я.

Она легко захлопывает окно. А я, лежа на полу и все так же таращась в потолок, ощущаю эту легкость всем телом, и на мгновение меня охватывает ненависть к Грейс. Да, я ненавижу ее. Мне хочется заползти в ее испещренную веснушками кожу, вытеснить из нее саму Грейс и поселиться внутри. Как легка, как счастлива, как безмятежна стала бы тогда моя жизнь.

Грейс вынимает из моих пальцев потухший окурок – с кончика срывается столбик пепла, и меня словно осыпает волшебной пылью – и выбрасывает его в мусорное ведро. Потом плюхается за мой стол, вытаскивает из моей пачки сигарету и закуривает. Это наш с ней секрет, крошечный бунт на двоих – незаконное курение в кабинете и театре. Да и вообще везде, где нам это может сойти с рук. Желтый ботинок раскачивается над моим лицом туда-сюда.

– Слушай, Миранда, они тебя ждут.

– Да-да, – отзываюсь я. – Я просто хотела дать спине отдых перед репетицией. Еще пара минут.

Повисает долгая пауза. Спросит она или не спросит? Решится ли открыть ящик Пандоры?

– С тобой все в порядке?

– Все хорошо, – лгу я. – Ну, знаешь, обычные проблемы.

Я пытаюсь улыбнуться, показать голосом, что закатываю глаза, но ничего не выходит. Из моего рта вырывается какой-то жеманный скулеж. Как же я все это ненавижу. На месте Грейс я бы точно раздавила себе лицо.

– Понятно.

Она отпивает воды из бутылки и разглядывает меня, лежащую на полу. Смотрит на закинутые на сиденье кресла ноги в дырявых колготках и выставленные на обозрение пальцы с нестриженными ногтями.

– Что ж, как только будешь готова... – начинает она.

– Я готова, – заверяю я.

¹ Окуривание шалфеем – ритуал, применявшийся в индейских шаманских практиках. (Здесь и далее прим. пер.)

И не трогаюсь с места.

– Хорошо. Прекрасно. Тогда не буду мешать.

Она поднимается, чтобы уйти. И меня захлестывает паника.

– Грейс?

– Да?

– Как они сегодня?

– Ты о чем?

– Ну, как... Как у них настроение?

– Как у них настроение? – повторяет она.

– Они... Они не собираются бунтовать?

– Там видно будет, – подумав, отвечает Грейс. – Как бы там ни было, они ждут тебя в зале.

– Миранда, хочешь, сегодня кто-нибудь из нас проведет занятие? Это вполне можно устроить. А ты... передохнешь.

Это предлагает Фов, которая, оказывается, все это время молча стояла в дверях. Я поднимаю глаза на Грейс. «Почему ты не сказала мне, что она там?» Грейс косится на меня. И отчего-то я чувствую себя оленем, которого она только что подстрелила. А теперь окидывает взглядом, проверяя, убила ли добычу наповал или стоит из милосердия загнать в нее еще одну пулю.

– Бедро? – спрашивает она.

– Да.

– Ой, а я думала, что у тебя спина больная, – встречает Фов.

Мне ее не видно, но я чувствую, как она маячит в дверном проеме со всеми этими своими колокольчиками и перьями. Сжимает в руках серебристо-голубой блокнотик, куда наверняка записывает все мои промашки и прегрешения ручкой, которая вместо кулона болтается на цепочке у нее на шее. Аккуратно выведенные мерцающими чернилами строки притворного участия. Ей не терпится поделиться своим открытием с Грейс.

«Мне она говорила, что у нее спина больная».

«А мне, что бедро».

– Спина тоже, – объясняю я. – То и другое.

Молчание.

– Я сейчас спущусь, хорошо? – говорю я.

– Помочь тебе встать? – спрашивает Грейс.

«А сама-то даже о помощи не просит».

«Да она постоянно просит о помощи».

«Но Миранде ничего не помогает».

– Нет. Но спасибо.

– Что ж. – Грейс бросает окурок в мою чашку. – Пойду-ка я вниз.

Фов видела, что Грейс курила, но и словом об этом не обмолвилась. Застань она с сигаретой меня – что уже не раз случалось, – начала бы демонстративно кашлять. И яростно махать рукой в воздухе, словно разгоняя мошкарку. А потом настрочила бы что-то в своем блокнотике. Но Грейс она просто улыбается сквозь облачко дыма.

И говорит:

– Я с тобой. Мне нужно снять копии с кое-каких бумаг.

– Отлично.

«Что это за имя такое – Фов? – как-то спросила я у Грейс, когда мы сидели в баре после репетиции. – Как по мне, похоже на кличку». Та покосилась на мой почти опустевший бокал и промолчала.

Они уходят вместе. Может, даже держась за руки, воображаю я. Хотя прама матери Грейс наверняка спалили бы прародительниц Фов на костре. Всех этих отбрасывающих изящные

тени бледных женщин с загадочными улыбками и волосами, похожими на птичьи перышки. Женщин, от которых пахло полынью и двулочиём. Как Грейс и Фов умудрились подружиться, для меня загадка. То есть нет, не загадка, я догадываюсь, когда это произошло. Думаю, все случилось после нашей с Грейс размолвки. Даже не сомневаюсь, что Фов тут же предложила себя мне на замену. Как всегда, бесшумно проскользнула на мое место.

Я так рада, что их шаги стихли. Даже пожирающее меня пламя немного унялось. И толстяк исчез – должно быть, отошел налить себе чаю.

Я встаю, и на мгновение меня посещает отчаянная надежда. Но нет. Левая половина тела по-прежнему пылает. А правую прошивают болезненные спазмы. Правая нога как будто сделана из цемента. Кулаков, сжимающих позвоночник, стало больше. А тот, что держал ногу под коленом, стиснулся так крепко, что распрямить ее теперь точно не удастся. Остается только хромать. На ступню по-прежнему давит невидимый вес. Пожалуй, расскажу об этом Марку во время нашей следующей встречи. Но поверит ли он, пробьют ли мои жалобы железобетонную стену его уверенности?

«Наша конечная цель, – скажет Марк во время сеанса, вонзая иглы мне в спину и бедро, – централизация. Нам нужно переместить ощущения (он имеет в виду боль) из отдаленных областей (это он про ноги) к их источнику (спине)».

«Отдаленные области, – пробормочу я. – Как поэтично».

Слово «поэтично» Марка смутит.

«Полагаю, можно и так это воспринимать». Он пожмет плечами и покосится на меня с подозрением. Как будто все мои проблемы проистекают именно из такого отношения.

Беру пузырек с наклейкой «В случае сильной боли примите одну таблетку» и вытряхиваю из него сразу две капсулы. А потом еще три из пузырька «Принимайте по одной таблетке при мышечных спазмах». Затем заглядываю в припорошенные белым оранжевые недра бутылочек и на мгновение задумываюсь, не проглотить ли все оставшиеся пилюли разом. Снова открыть окно. Упасть на пол. Подставить лицо падающему снегу. Прижать руку к груди и слушать, как стучит, постепенно замедляясь, сердце, пока оно не остановится вовсе. Утром меня, наверное, найдет Джо, уборщик. Я буду лежать тут, вся такая очаровательно посиневшая. И он всплакнет обо мне. Всплакнет ли? Представляю себе, как он всхлипывает, уткнувшись в ручку метлы. Ведь именно так умирают героини сказок?

Достаю перекрученный тюбик геля с какими-то сомнительными горными травами, геля, который, по уверениям мужчин в белых халатах, форменных поло и синих одеяниях, может мне помочь, геля, который совершенно не помогает. «А вы попробуйте», – говорили они, пожимая плечами и улыбаясь, как Чеширские коты. Я втираю его в поясницу и бедро, убеждая себя, что что-то же он делает. Я ведь уже это чувствую. Чувствую, правда?

Конечно.

Он определенно что-то делает.

Глава 2

Вхожу в театр и вижу, что студенты, как мне и представлялось, сидят на краю сцены и болтают ногами. Лица их сияют, но что творится в головах – не поймешь. Намечается ли бунт? Возможно. Сложно сказать. И все же они пришли. И у каждого в руках экземпляр «Все хорошо» (с моими режиссерскими пометками) – а это уже что-то. По крайней мере, они не сложили из распечаток ритуальный костер. Пока. И на том спасибо. Третья репетиция. Все они уже разбились на группки с учетом социальной иерархии, именно так, отдельными стайками, сейчас и сидят. Не улыбаются. Не хмурятся. Ждут. Смотрят своими юными глазами, уверенные, что и впрямь способны что-то увидеть. В центре, разумеется, Бриана, моя бездушная прима, моя Елена, ничем этой роли не заслужившая. Рядом с ней – Тревор, ее бойфренд, играющий Бертрама. А Элли, конечно, жметя в углу. Элли, серая мышка, моя сероглазая любимица. Гадкий утенок с прекрасной душой. В прошлом году она играла кормилицу в «Ромео и Джульетте». А в этом ей досталась роль недужного Короля, хотя из нее вышла бы прекрасная Елена. Все остальные студенты для меня просто море, тусклое бесталанное море, и роли им я раздала соответствующие. Они со скучающим видом пялятся на меня, отмечая, какой изможденный у меня вид, и откровенно зевают мне в лицо.

Нога каменеет. Улыбнувшись, я говорю:

– Всем привет.

Студенты здороваются в ответ. Обычно меня хоть немного вдохновляют их ладные фигуры и сияющие юностью лица. Они ведь и в самом деле очаровательны. Но сегодня я чувствую лишь страх.

«Вам когда-нибудь доводилось ставить спектакли?» – спросил меня декан во время собеседования.

«Конечно, – лживо закивала я. – Шекспира. Брехта. Чехова. Беккета, разумеется. На Беккете я просто собаку съела».

Студенты смотрят на меня и, очевидно, ждут, когда я заговорю. Потому что обычно я ведь что-то им говорю, так ведь? Как они реагируют на мои слова? Пробуждают ли они что-то у них в душе? Воодушевляют ли их? Я все забыла. А ведь сегодня слова особенно нужны. Для поднятия боевого духа. Они уже успели несколько раз прочитать пьесу. Пьесу, которую я им навязала, несмотря на то, что сами они хотели ставить другую. И теперь чувствуют себя обиженными. Сбитыми с толку. «Мисс Фитч, мы не понимаем. Почему? Почему вы заставляете нас играть вот это?»

Вдоль позвоночника струится холодный пот, правую ногу еще сильнее скручивает судорогой. С ужасом осознав, что я сутулюсь и кренюсь набок, я опираюсь о стол. И стараюсь выдавить из себя дружелюбную улыбку. Ведь я их друг, так? Все помнят? Представляю, как они отзываются обо мне: «Мисс Фитч старается изо всех сил, но она очень неорганизованная и во время дискуссий всегда теряет контроль над аудиторией. Будь она хоть чуть-чуть похожа на настоящего режиссера, мы бы куда больше пользы извлекли из этих занятий».

– Как ваши дела? – спрашиваю я.

Стараясь произнести это приветливо и жизнерадостно. Но ничего не выходит. Студенты пялятся на меня пустыми глазами. Тогда я переключаюсь в другой режим. Напускаю на себя таинственность. Врубаю дым-машину воображения, сжимаю губы в тонкую линию. Но в последнее время актриса из меня никудышная. Даже они понимают, насколько я неубедительна.

– Хорошо, – нестройно отзываются некоторые.

А другие молчат. Или хлопают глазами. Но вот Бриана, моя ведущая актриса, и не думает моргать. Наоборот, ее зеленые, как листва, глаза широко открыты. И разглядывают меня с

откровенно стервозным выражением. Разумеется, она подмечает, что на прошлой неделе я приходила на занятия и репетиции в том же самом свободного кроя платье, синем с оранжевыми цветами. И растянутая черная кофта, в обвисших карманах которой гремят пузырьки с лекарствами, тоже на мне была.

По глазам видно, что Бриана меня оценивает.

«Не смей меня судить, сучка мелкая!»

– Что, Миранда? – переспрашивает Грейс.

– Что?

– Ты вроде что-то пробормотала.

– Нет-нет, тебе послышалось.

Грейс молчит. Молчат и студенты.

«Мисс Фитч в последнее время не только опаздывает на репетиции, она, кажется, вообще из ума выжила».

«Мисс Фитч разговаривает сама с собой. Ей-богу, я сама слышала».

– Что ж, – начинаю я. И голос у меня такой трепетный, такой нежный, прямо цветущая в поле ромашка из рекламы обезболивающего. – Давайте сразу перейдем к делу. Акт первый, сцена первая? Монолог Елены?

Никто не трогается с места.

– Ребята, начинаем? Пожалуйста?

Ничего. Я уже готова их умолять. Как же мы дошли до жизни такой? Определенно, режиссер из меня паршивый. А они, без сомнения, по-прежнему ненавидят выбранную мной пьесу. Сидят, уставившись на меня, и распечатки подрагивают в их неплотно сжатых пальцах, готовые в любую минуту шлепнуться на пол.

Вспоминаю, как месяц назад мы устраивали на этом же самом месте читку, и прошла она просто ужасно. Сколько было вопросов... Даже не вопросов, обвинений!

«Все хорошо, что хорошо кончается», мисс Фитч? А это вообще Шекспир написал?»

«Мисс Фитч, а зачем нам именно ее ставить?»

«Вроде на этот год «Шотландская пьеса» была запланирована, разве нет?»

«Мисс Фитч, я тут ничего не понимаю. Почему эта девчонка бегаёт за парнем, который на нее и смотреть не желает? Фигня какая-то, нет, ну правда».

«Мисс Фитч, а разве мы не «Шотландскую пьесу» в этом сезоне ставим?»

«Мисс Фитч, а я вроде слышал, что у нас «Шотландская пьеса» в этом году».

Дрожащим голосом я пыталась объяснить им свое, припорошенное «валиумом» видение этой пьесы, но мне так и не удалось их переубедить. Они не кивали. Не улыбались. Даже не моргали. Только обменивались презрительными взглядами, не заботясь о том, что я могу их заметить. Если бы я произнесла свою режиссерскую речь хоть немного увереннее, не запинаясь так часто, может, они бы сейчас были на моей стороне. Я же слишком надолго замолкала и, не буду скрывать, временами вообще уходила в себя. Так что Грейс то и дело приходилось покашливать и окликать меня: «Миранда? Миранда. Миранда!»

«Что?»

«Ты начала говорить...»

«Ах, да. Я начала говорить... О чем я говорила?» Именно так, им приходилось напоминать мне, о чем шла речь.

И пялились они на меня в тот день так же, как сейчас.

Слушайте, я понимаю, что профессиональным актером никто из этих ребят не станет. В колледже даже полноценного театрального факультета больше нет, осталась лишь крохотная кафедра театроведения, которая жива исключительно нашими с Грейс стараниями. И ежегодная постановка одной из пьес Шекспира – внеклассное мероприятие. У нас тут всего лишь кружок по интересам. Никаких рычагов давления на студентов у меня нет. Я только прикиды-

ваюсь, что могу с ними совладать. «Я прикидываюсь, вы прикидываетесь, а в итоге выходит полная лажа». И все же. И все же посмотрите только, чего нам удалось добиться. Мы дважды принимали участие в региональных шекспировских конкурсах. И дважды занимали девятое место.

Легкое покашливание. Оборачиваюсь и вижу, что у бокового входа стоит высокий мужчина в заляпанных краской джинсах и футболке с Black Sabbath. На лицо ему падают длинные золотистые пряди. Он виновато улыбается. Это Хьюго, мой декоратор и механик сцены. Стоит мне взглянуть на него, как сердце в груди сжимается, а внутри вспыхивает никому не нужный огонь. Господи, что он здесь делает? Нельзя показываться ему на глаза в таком виде. Впрочем, Хьюго не смотрит на меня, он вообще никогда на меня не смотрит. Взгляд его устремлен на сложенные в глубине сцены доски.

– Простите, что помешал, – обращается он к студентам и кивает на доски. – Я мигом.

– Конечно, – отзываюсь я.

И, как полная дура, зачем-то взбиваю рукой волосы. Но Хьюго уже направляется к сцене. Когда он проходит мимо, меня обдает запахом дерева, и я едва удерживаюсь, чтобы не прикрыть глаза.

– Мы только начали, так ведь? – обращаюсь я к студентам.

Все по-прежнему молча таращатся на меня. Только Бриана теперь усмехается.

– Мисс Фитч? – наконец, начинает Тревор, подняв руку, как на уроке.

Тревор. Владелец длинных каштановых волос. Жутко высокий. Не всегда способный контролировать свое тело и природное обаяние. Пока он не открывает рта, смотришь на него и думаешь – Байрон. Джордж Эмерсон из «Комнаты с видом». Сейчас вскарабкается на дерево и заведет речь о красоте и истине. Однако Тревор – сущее разочарование. Ромео у него в прошлом году вышел снулый, то и дело теребил свой меч. И все же в нем что-то есть. Вероятнее всего, волосы. У Тревора очень выразительные волосы.

– Да?

– Можно мне спросить кое-что о пьесе?

О боже, нет.

– Да?

– Ну, я тут на днях снова ее перечитал. – Он показательно перебирает пальцем страницы. – И как-то у меня с ней не складывается.

Нет, это не вопрос. Я закрываю глаза. И улыбаюсь в черноту.

– С чем именно?

– Честно? Да со всем!

Алая паутина внутри бешено мерцает. Цементная нога крошится. Я открываю глаза. И смотрю на Тревора, прекрасного, завораживающего в своем идиотизме.

– Можешь поконкретнее?

– Взять хоть завязку, – говорит Тревор. – Сюжет. Персонажей. Не знаю, я ни с кем из них не могу себя ассоциировать.

Я разглядываю его слегка сжатые, обтянутые перчатками без пальцев руки. Поэтичные волосы, которым слишком часто приходится компенсировать недостаток душевной чуткости. Очаровательный, непонятно откуда взявшийся в январе загар. Обнимающие юную шею бусы из раковин каури. С харизмой у Тревора проблемы, но он высокий, и, если решит взбунтоваться, другие к нему примкнут.

– Поняла. Что ж, Тревор...

– А главная героиня? – продолжает Тревор.

– Елена.

– Ага. Вот ее я вообще не понимаю.

– Чего ты не понимаешь?

Осторожнее, Миранда. Осторожнее.

– Не знаю. – Он пожимает плечами. – Просто мне она кажется не особо привлекательным персонажем. Она какая-то... жалкая.

Теперь он смотрит прямо на меня. А я резко кренюсь влево, потому что моя правая цементная сторона вздумала рассыпаться в пыль. Сидящая возле Тревоора Бриана делает вид, что ее этот конфликт совершенно не интересует, что это вовсе не она его спровоцировала. Не она заварила кашу. Нет-нет, она просто мимо проходила.

Я оглядываюсь на Хьюго, который по-прежнему перетаскивает доски. Не оборачивается, не обращает на меня внимания. Впервые я этому радуюсь.

Пытаюсь выдавить из себя улыбку. Не обвинять их, даже глазами. Не орать: «Вы ни хрена не понимаете!» Нет, на лице моем написано: «Я снисходительна к вашей юной искренности, к суровой глупости, которую вы по ошибке принимаете за прелесть». Играю романтическую натуру, волоокую преподавательницу изящных искусств.

– Тревор, ведь она влюблена. Разве не все мы, когда влюблены, выглядим немного жалко? Разве с нами такого никогда не случилось? А с некоторыми, возможно, происходит прямо сейчас.

«С тобой, например. Марионетка Брианы!»

Тревор непонимающе тарачится на меня. И снова пожимает плечами.

– Честно? Парня, в которого она влюблена, я тоже не понимаю.

– Но «парень» – это Бертрам. Тот, кого ты играешь.

– Нет, мне ясно, почему она ему не нравится, – продолжает он. – Она ведь убогая. Но ведет он себя, как козел. А в конце внезапно берет и влюбляется в нее. Притом сказано об этом буквально в одной строчке!

Он качает своей царственной головой, явно уверенный, что так не бывает. Но ведь в этой «небывалости» и заключена вся соль этой пьесы. Вся ее магия.

«Дурак», – думаю я.

– Простите?

– Я сказала, что ж, значит, Тревор, эта работа станет для тебя серьезным вызовом, – лгу я. – Как для актера, я имею в виду.

И произнося это «как для актера», едва не начинаю хохотать. Тревор – актер. От одной мысли хочется забиться в истерику. Но я не подаю вида. Может, сама еще не окончательно утратила актерские навыки.

– И мне кажется, ты к нему готов, – добавляю я.

– Но я по-прежнему ничего не понимаю, – не сдается Тревор.

Бриана уже откровенно сияет. Может, в благодарность за это выступление потом потискается с ним в «Саабе».

– Что ж, на дворе январь. У тебя еще масса времени, чтобы во всем разобраться. Собственно, этим мы и будем заниматься на репетициях. Постигать эту пьесу – все вместе, и я с вами. А теперь...

– Мисс Фитч, вообще-то... – перебивает Тревор.

– Что? – спрашиваю я, по-прежнему улыбаясь.

Или пытаюсь улыбаться. Улыбаюсь ли я вообще? Из-за лекарств я почти не чувствую своего лица. Отчаянно цепляюсь руками за спинку стула.

– Ну я просто подумал... – Он косится на Бриану, которая все так же не сводит с меня глаз. И то, как я вцепилась в стул, от нее не укрывается. – То есть мы все подумали, может, еще не поздно взять другую вещь?

Тупица. Строй из себя тупицу.

– Другую?

– Мы же хотели в этом году ставить «Шотландскую пьесу». Вы, наверное, помните?

Хьюго оглядывается. Впервые в жизни смотрит прямо на меня. Смотрит с жалостью! И щеки у меня тут же вспыхивают. Значит, я все же чувствую свое лицо. Окидываю студентов взглядом. Все они смотрят на Тревора, как на бога, даже парни.

Прекрати это. Прекрати!

– Да, помню, была такая мысль, – отвечаю я. – Мы это *обсуждали*. А потом я все хорошенько взвесила и *приняла решение*, – слово «решение» я выделяю голосом, как бы безмолвно добавляя «как режиссер», – что в этом году мы поставим «Все хорошо», вещь не менее прекрасную, но куда более захватывающую.

Оглядываюсь на Грейс в поисках поддержки. Но та смотрит на меня с видом: «Серьезно? «Куда более захватывающую?» Да брось, Миранда!»

– Это проблемная пьеса, – продолжаю я. – Не трагедия, не комедия, то и другое. Нечто среднее. И намного более интересное.

Я пытаюсь им улыбнуться, но никто, ни Хьюго, ни даже Элли, не смотрит мне в глаза. Снова оборачиваюсь на Грейс. Она сидит в зале, уставившись в экран ноутбука, отбрасывающий легкий отблеск на ее подчеркнuto невозмутимое лицо.

«Ты вроде говорила, они не собираются бунтовать!» – взглядом укоряю ее я.

Но Грейс все так же сосредоточенно смотрит в экран. Делает вид, что изучает расписание, но я-то знаю, на самом деле она скупает туристический скарб. Или ищет аксессуар для террариума своей бородатой ящерицы. У них до смешного близкие отношения. Ящерицу зовут Эрнестом – это из уайльдовской «Как важно быть серьезным». Мне отчего-то всегда было жутко неловко наблюдать, как они с Грейс ласкаются. А меж тем это происходило всякий раз, как я бывала у нее в гостях. Она вынимала Эрнеста из террариума и сажала к себе на плечо. Он лизал ей щеку, а она жмурилась от удовольствия, даже голову запрокидывала. Просто страшно было смотреть...

– Профессор Фитч?

Элли. Как прекрасно ее печальное бледное, как луна, лицо, обрамленное неопишимо темными – не черными, не каштановыми – волосами. Оно напоминает мне небо Шотландии ноябрьскими вечерами. Когда сквозь тучи пробивается единственный за весь день лучик солнца. И все же для меня Элли – свет.

– Да, Элли? Что я могу для тебя сделать?

Бедняжка Элли, девственница, должно быть. Единственное чадо испарившегося отца и токсичной матери, которую она втайне мечтает убить. Разумеется, влюблена в Тревора. Разумеется, ненавидит себя за это и его ненавидит тоже. Стоит ему заговорить, как на ее сереньких щечках расцветает румянец.

– А мы в этом году участвуем в шекспировском конкурсе?

– Конечно, Элли.

Заранее воображаю, как нам будут аплодировать пришедшие на спектакль подвыпившие богачи. Воображаемый запах ухоженных садов Род-Айленда пьянит и возбуждает. В лицо светит вечернее солнце. Июньское солнце, в лучах которого грациозно движутся все эти юные создания. Заставляя меня мечтать о какой-то иной жизни. Члены жюри сухо улыбаются, наблюдая за бесплодными попытками Брианы отыскать в себе душу. Идеальный лик Тревора искажают яростные гримасы скверной актерской игры. Элли же лишь изредка удается раскрыться, показать всем свое плавающее сердце. И на краткий миг у зрителей перехватывает дыхание.

– Мне кажется, это неплохая мысль – представить на конкурс «Все хорошо». Ее уж точно никто, кроме нас, ставить не будет.

Милая моя Элли. Будь у меня дочка, я бы хотела, чтобы она была на нее похожа. Конечно, этот поезд давно ушел – мое тело истерзано и не подлежит исцелению. Элли страстно мечтает о сцене, и я это ее стремление всячески поддерживаю и распаляю. «Настанет день, когда ты спрашиваешься с этими плебеями навсегда. О, как это будет чудесно! Забыть о знатоках

английского языка и умельцах завязывания социальных связей, не ценящих твое своеобразие и темную грацию».

– Но разве не стоит выбрать для конкурса что-то более солидное? – спрашивает одна из подпевал Брианы, не то Эшли, не то Мишель, какое-то скучное имя, все время забываю. – А «Все хорошо» – пьеса проблемная, ее почти никогда и не ставят, – добавляет она, довольная, что удалось блеснуть почерпнутой из «Википедии» мудростью.

Кстати, Бриана пока так и не произнесла ни слова.

– Что ж, значит, эта постановка для всех нас станет серьезным вызовом, согласны? – отвечаю я. – Я люблю сложные задачи. И определенно готова за нее взяться. А вы?

Я поскорее вцепляюсь в стул, пока не упала.

К Грейс подсаживается Фов. Сама она по-прежнему смотрит в экран, но Фов не сводит глаз с меня. Так и тарашится. Всячески подчеркивая, что она тут ни при чем, она просто сторонний наблюдатель. Лицо у нее непроницаемое, но я всем существом чувствую, как она жаждет моего провала. На коленях ее лежит раскрытый голубой блокнот. В раскрашенных когтях застыла декоративная ручка, уже без колпачка. «21 января, понедельник, 17.55. Возмущенные упрямством режиссера студенты подняли бунт. Налицо явная лекарственная зависимость. Уклончивость. Нежелание слушать».

Замечаю, что Хьюго уже ушел. Даже не попрощался. Впрочем, с чего бы ему со мной прощаться? А все же сердце печально екает.

И вот, наконец, руку поднимает Бриана. Пышноволосяя Бриана. Жалкая троечница, считающая, что ей за каждый вздох должны ставить пятерки. Когда читаешь ее сочинения, становится попросту страшно за будущее Америки. Так и ахнешь невольно: «Что ты несешь?» прямо на весь бар, куда забила, чтобы нализаться «Пино Гриджио» в надежде, что так тебе проще будет поставить Бриане оценку. Бармен спросит: «Мисс, вы в порядке?» и даже руку участливо на плечо положит. А ты ответишь: «Да-да, простите» и взглянешь ему в глаза, добрые-добрые, синие-синие. И попытаешься вспомнить, когда подобные лица и торсы задевали что-то глубоко у тебя внутри, там, где теперь одиноко шуршат опавшие листья. Потом снова опустишь глаза на сочинение Брианы. Отметишь, что она выбрала шрифт «Гарамон». И соберешься вывести в левом верхнем углу четверку с минусом, хотя написано это в лучшем случае на тройку. Но вдруг задумаешься, и ручка зависнет над страницей. Представишь, как вручишь эту четверку Бриане. Как она переменится в лице, будто ее разом ужалила тысяча ос, – жаль, что, исполняя роль Джульетты, она таких эмоций не демонстрировала. Вспыхнет от стыда, потом от гнева, затем высоко вздернет подбородок. Конечно, она решит, что ты поставила ей четыре с минусом из чистого идиотизма и зависти – зависти к ее юности и красоте. Ты точно не идиотка, но твои юные годы уже позади, а потому после занятия ты со страхом и даже каким-то подобием чувства вины будешь смотреть, как подготовившаяся к бою Бриана шествует к твоему столу, встряхивая на ходу блестящими волосами. Глаза у нее круглые, мокрые и отчаянные. Внутри диким цветком расцветает возмущение. Ведь в мире Брианы ты – всего лишь винтик в хитром механизме ее грядущего успеха. Вселенная хочет, чтобы Бриана переиграла тебя, чтобы она победила. И, выслушав ее возражения, а также помня о собственных неисчислимых неудачах, ты, в конце концов, уступишь под ее напором. И выведешь пятерку. Потому что слишком устала. Потому что от голоса Брианы у тебя не только позвоночник и бедро начинают ныть, но и вспыхивает алая паутина внутри, все быстрее мерцающая под ее пристальным взглядом. А ведь можно избавиться себя от всего этого и сразу поставить ей пятерку. За которую она тебя даже не поблагодарит. Просто взглянет, как на дурацкого паука, который забрался в ее кукольный домик, но, слава богу, одумался и быстренько сдох сам. В конце концов, это ведь ее родители выделяют деньги на погибающуюся программу театроведения. Вот почему Бриана играет Елену, а в прошлом году играла Джульетту, а еще годом ранее – Розалинду. Вот почему монолог одной из самых сложных и значительных шекспировских героинь умирает в

ее бездарной глотке. И все же именно благодаря ей у тебя тут есть хоть какая-то работа, и она прекрасно об этом знает.

Самое невыносимое, что как бы я Бриану ни ненавидела, я все равно хочу ей понравиться. И то, что я ее ненавижу, тоже невыносимо, потому что – ну, серьезно, какое у нее будущее? Потрется пару лет в большом городе, на сцену, конечно, не пробьется, ведь рядом не будет отца и матери, готовых распахнуть перед ней все золотые двери. В конце концов, поймет, что она всего лишь посредственность. Выйдет замуж за биржевого брокера, начнет вести блог «Мамочка-веган». А будущих отпрысков запишет в балетную студию.

Будь взрослее, твержу я себе. Будь мудрее. Ты ведь учитель. Солги этой пышноволоосой детке, скажи, что ей и остальным выпал редкий шанс принять участие в постановке пьесы, которая цепляет зрителя не оргиями и кровавой баней. В которой есть волшебство, но олицетворяют его не зловещие ведьмы. Эта пьеса не грустная, не смешная, а веселая и печальная сразу. В ней есть и свет, и тьма. Это проблемная, провокационная, сложная и загадочная вещь. Горный цветок, выросший в тени монументальной шекспировской славы. До сих пор не затасканный по миллионам дурацких школьных постановок. К тому же она современная. И социально значимая.

– Миранда, – говорит Бриана.

Она всегда называет меня Мирандой, а не мисс Фитч. А слова «профессор» вообще никогда не употребляет. И смотрит на меня, а я съезживаюсь под ее взглядом. Съезживаюсь, можете себе представить? Готовая... К чему?

– Может быть, мы сначала немного разогреемся? – спрашивает она, уже потягиваясь в предвкушении.

Закидывает руки за голову. «Видишь, как мое тело это любит? Видишь, как сильно мне это нужно?»

И мне мерещится, что я ее убиваю. Это уже не впервые.

– Боюсь, у нас не осталось времени, нужно начинать, – возражаю я.

Всегда забываю о разминке. Ничего не могу с собой поделать. Ненавижу разминку. Ненавижу! Мне просто больно на это смотреть. На то, как легко они движутся, разогревая не нуждающиеся в разогреве суставы. Наполняют кислородом свои и без того полные кислорода мышцы. На то, как розовеют их лица. Наблюдать за этим все равно что подглядывать, как они трахаются. Но мучительнее всего глядеть на Бриану. От вида ее стройной фигурки, грациозно движущейся в свете софитов, у меня щиплет глаза. И слезы наворачиваются. Это все равно что смотреть на солнце. Все равно как желать ослепнуть.

– Миранда, давай я проведу разминку, – тихонько предлагает Грейс.

Развернувшись, я сталкиваюсь с ней лицом к лицу. И говорю:

– Ладно. Ладно.

А сама растворяюсь в темном углу. Смотрю оттуда, как гнутся и раскачиваются их тела. Нашариваю в кармане пузырек и, даже не взглянув на этикетку, вытряхиваю на ладонь таблетку.

Глава 3

Мы с Грейс сидим в «Проныре». Это шотландский паб неподалеку от колледжа. Мы частенько заглядываем сюда после занятий и репетиций, когда нужно обсудить постановку или нет моральных сил идти домой. Грейс с жадностью поглощает бургер с картошкой фри. Так спокойно, будто никакого бунта и не было. Будто сегодня самый обычный вечер и репетиция прошла, как всегда. Будто все хорошо. Я смотрю, как она вливает в себя из кружки густое темное пиво, увенчанное пенной шапкой цвета сливок. Меня бы после такого количества точно вынесли отсюда ногами вперед. Рядом с кружкой стоит почти допитый стакан скотча. Грейс здоровая, как лошадь. Совершенно неубиваемая. Я же чахну над бокалом белого вина с содовой и тарелкой салата. Все тело пульсирует и ноет. Ногу от бедра до колена прошивают спазмы. Позвоночник стискивают кулаки. То тут, то там снова вспыхивает пламя. А унижение и гнев только подкидывают дровишек в этот костер.

– Ты в порядке? – спрашивает Грейс.

В порядке? Она в своем уме? Можно подумать, ее там не было. Можно подумать, она не видела все собственными глазами. Хочется рявкнуть, сорвать на ней злость. Но отвечаю я:

– Все нормально.

Грейс наблюдает, как я горблюсь над тарелкой.

– Ты даже не притронулась к своему... Что это, кстати?

– Салат.

Грейс морщит нос. И снова набрасывается на свой бургер, в который, похоже, запихнули и сыр, и бекон. И, кажется, даже яичницу. Не понимаю, как это она до сих пор жива. Но нет, эта еда ее не убьет. Где-то через час, сидя в своей гостиной и пялясь в «Нетфликс», она сыто рыгнет. Потом легонько, словно послушную собачку, похлопает свой безотказный живот. А затем отправится в свою на удивление девчачью спальню – каждая поверхность в ней уставлена изящными нарядными шкатулочками, в которые не поместится больше одного кольца, а каждая стена задрапирована бледно-розовым, – рухнет на заваленную подушками кровать и уснет, как ангел. И сердце не будет истошно колотить ей в уши. И картины собственной неминуемой кончины не заставят ее лежать без сна. Она уснет глубоко, а утром, в назначенный час, проснется и выйдет на пробежку. Отдохнувшая. Готовая жить дальше.

Когда я попросила принести мне салат и шорле, Грейс скривилась, а потом, будто в качестве извинения за мою немощь, заказала себе обильный ужин.

«Просто мне из-за таблеток не стоит много пить», – объяснила я.

«Конечно, понятно», – кивнула Грейс.

Но это правда, мне в самом деле нельзя пить. Эти препараты даже друг с другом сочетать нельзя, не говоря уж о том, чтобы заливать их алкоголем. Мне их назначили два разных врача, у которых, в отличие от реабилитологов в форменных поло, есть право выписывать лекарства. Один из них косился на меня подозрительно, другой же оказался на редкость милосердным и все улыбался, благостно, как хитрый божок, которого мне посчастливилось застать в хорошем настроении. «Что ж, мисс Фитч, почему бы нам с вами не попробовать эти пилюли?»

«Да, – вскричала я. – Да! Давайте попробуем!»

«Только учтите, мисс Фитч, что с другими препаратами их сочетать нельзя».

«Нет-нет, что вы, не буду, – заверила я доброго доктора, отчаянно трясая головой. – Мне бы такое и в голову не пришло». Его белый халат сиял, словно одеяние самого господа бога. Даже слезы на глаза навернулись.

Я отпиваю из бокала и смотрю на Грейс, которая, довольно потягивая пиво, тарашится в экран телевизора над моей головой. Передают хоккейный матч. Грейс смотрит очень увле-

ченно, она определенно совершенно выбросила из головы разразившуюся сегодня вечером катастрофу. Что ж, она может себе это позволить.

– Как все ужасно сегодня прошло, – наконец выдаю я.

– Что? – невозмутимо переспрашивает Грейс.

– Репетиция...

– Да ладно, – пожимает плечами она. – Не так уж страшно.

– Не так уж страшно? Но как? Ты разве не видела?

– Видела, – отвечает она, не отрываясь от экрана.

– Тогда сама все знаешь. Они меня ненавидят, – шепчу я.

– Миранда, не глупи, – закатывает глаза Грейс.

– Нет, правда. Они ненавидят и меня, и пьесу.

– Боже, Миранда, ну, конечно же, они ненавидят эту пьесу. «Все хорошо, что хорошо кончается»? Да брось, серьезно?

– Это великая вещь, – бормочу я.

– Насчет величия судить не берусь. Нет, в смысле, она нормальная. Но куда ей тягаться с психами, ведьмами и убийцами?

– Ведьма там есть, – возражаю я.

– И кто же?

– Елена. Она ведь исцелила Короля.

Грейс мотает головой, словно говоря: «Отвяжись ты от меня со своей сраной Еленой». Каждый раз, когда при упоминании Елены, сраной Елены, Грейс принимается качать головой, мне кажется, что это она таким пассивно-агрессивным способом пытается донести свое отношение ко мне. «Елена не желает видеть дальше собственного носа. Елена чокнутая. Елена жутко эгоцентрична, заиклена на своих чувствах. Елена только и делает, что ноет. Во всех своих страданиях Елена виновата сама. Она представления не имеет о том, что такое настоящая боль. Давно могла бы взять себя в руки и покончить с этой навязчивой идеей».

– Она влюблена, – убеждаю я. – Это история любви.

Грейс фыркает и залпом допивает пиво.

– Большой любви.

– А мне ее любовь кажется прекрасной, – бормочу я, уставившись в стол.

– Елена живет самообманом.

– Что ж, – говорю я, – у каждого из нас свое видение этой пьесы.

– Ну да, у меня такое, – заявляет она, глядя мне в глаза.

Я разглядываю свой бокал. Она что же, намекает на те случаи, когда я, задержавшись в театре после окончания репетиции или перебрал тут, в пабе, названивала Полу, своему бывшему мужу, и рыдала в трубку?

«Миранда, у тебя все хорошо?» – участливо кричала она мне через дверь.

«Да, отлично, просто говорю по телефону».

Или, может, она догадалась о моей безответной страсти к Хьюго? Застукала, как я, забывшись, таранилась на вздувавшиеся под его футболкой мышцы спины, когда он разрисовывал деревянный задник, превращая кусок фанеры в изысканный интерьер французского дворца? Нежно, как розу, зажав в белоснежных зубах кисть?

«Грейс, тебе не кажется, что он похож на скандинавского бога? На Тора, например?»

«Нет», – бросила бы Грейс.

А Хьюго, почувствовав, что на него смотрят, обернулся бы и увидел в темном углу мою скрюченную фигуру. «Привет, Миранда, – дружелюбно поздоровался бы он. – А я тебя и не заметил».

«Конечно, не заметил, – подумала бы я. – Ты и сейчас меня не замечаешь. И никогда не заметишь». А вслух сказала бы как всегда: «Оу!»

Может, он даже спросил бы: «Что я могу для тебя сделать?»

Увидь во мне ту женщину, какой я была когда-то. Ту, с которой ты мог бы лечь в постель. Но нет, моя страсть – хилый, давно увядший цветок. И, по правде говоря, если бы Хьюго в самом деле обернулся ко мне и сказал: «Миранда, я мечтаю оказаться с тобой наедине», я бы в ужасе поковыляла прочь. В моих фантазиях он просто находится где-то рядом, маячит в смутно эротической дымке. Многозначительно улыбается мне – иногда, в свете свечей. Но в жизни Хьюго всегда смотрит мимо меня, на висящие на стене часы. Я отрываю его от работы. Если же он и бросает на меня взгляд, то жалостливый, вот как сегодня.

– Миранда, ты меня слушаешь? – спрашивает Грейс.

– Да.

– Ты же знаешь, мне, в общем, все равно. Я просто люблю ставить спектакли. Ну а студенты злятся, что ты решила отказаться от «Шотландской пьесы».

Ага, так и вижу, что бы из этого вышло. Бриана в роли Леди Макбет. Вся в бутафорской крови. Дефилирует по сцене, встряхивая своими пышными блестящими волосами. В вырезе белого платья виднеется усыпанная веснушками ложбинка между грудей. Вот она принимается истошно вопить про пятно. Но как ей изобразить муки и страдания, откуда взять подобный опыт? Неоткуда. Вот почему вся ее игра – чистойшей фальшь.

– Слушай, в моей жизни и так достаточно боли, – говорю я Грейс.

– Неужели тебе не хочется посмотреть на Бриану в роли Леди М?

– Не смейся, – фыркаю я.

– Тут ты права, она была бы ужасна. А вот роль Елены ей идеально подходит. Кому же еще играть девчонку, жаждущую, чтобы вселенная по щелчку выполняла все ее желания?

Я закрываю глаза. Так и подмывает сказать Грейс: «Ты ни черта не знаешь про Елену». Чтобы ее понять, нужно иметь тонкую, чуткую душу. Нужно прожить жизнь, полную боли. Нужно пожить в тени других и обрести мудрость. Уж, казалось бы, Грейс, как специалист по Оскару Уайльду, должна понимать такие вещи!

– С Брианой мое решение никак не связано, – лгу я. – Если честно, я считаю, что и на роль Елены она не слишком подходит.

Грейс молча смотрит на меня.

– Честное слово, мне просто хотелось для разнообразия поставить что-то необычное. И я не понимаю, что здесь плохого.

– Абсолютно ничего.

– Мы сойдем с проторенной дорожки, понимаешь? Разве тебе самой не надоело смотреть, как они уродуют «Гамлета»? Или «Ромео и Джульетту»?

– Миранда, они студенты.

– Вот именно.

– Слушай, ты режиссер. У тебя были свои соображения.

Мои соображения. Знаю, Грейс относится к ним с большим подозрением.

Сколько раз она заставляла меня в кабинете лежащей на полу перед ноутбуком и проматривающей на «Ютьюбе» ролик с самой собой в роли Елены? Невероятная постановка. Но запись паршивая. Снимал, должно быть, какой-то забредший на спектакль торчок с трясущимися руками. Но как же я благодарна ему за то, что он запечатлел мою игру и зрителей, и весь тот вечер. Мне даже кажется, что я могу разглядеть в толпе Пола. Вот вроде бы его плечо, а вот кусочек обращенного к сцене лица.

Грейс не раз видела, как я, со слезами на глазах, как загипнотизированная, любовалась собой, еще не знающей, какое будущее меня ждет, своим лицом, еще не изборожденным скорбными морщинами, своей легкой, совершенно человеческой походкой.

«Миранда, ты что делаешь?» – спрашивала она, стоя в дверях.

«Ничего, – отвечала я. – Так, изучаю кое-что».

– У тебя были свои соображения, – повторяет она. – Так заставь их тебя слушаться.

Я вспоминаю, как все они смотрели на меня мертвыми глазами. Как потрескивал в воздухе этот их безмолвный вызов.

– А если они не захотят?

– Заставь. Ты же режиссер.

– Я же режиссер, – шепчу я.

Ноги под столом омертвели. Когда я, наконец, поднимусь, мне придется дорого заплатить за то, что я так долго сидела. Марк утверждает, что мне нельзя сидеть на стуле дольше двадцати минут подряд. Но другие врачи, разумеется, с ним не согласны. Джон, например, считал, что и от тридцати минут ничего страшного не случится. Садист Мэтт твердил: «Просто вставайте каждый час, разминайте ноги, и все будет в порядке». Фаталист Люк тянул: «Дакая, собственно, разница?» «Просто прислушивайтесь к себе, пусть боль вас направляет», – слабо улыбаясь и пожимая своими скульптурными плечами, говорил доктор Харпер, хирург, оперировавший мой тазобедренный сустав. К моей операции он отнесся, как к одноразовому сексу, который наутро хочется выбросить из головы. И каждый раз, когда я приходила к нему, жаловалась, что все еще мучаюсь от боли, зачитывала список симптомов из заметок на телефоне, а потом задавала заранее подготовленные вопросы, он, стараясь не смотреть мне в глаза, бормотал что-то про «адвил» и мать-природу. А ведь был еще доктор Ренье, тот вообще считал, что мне ничего не нужно делать. Помню, как серебристым шлемом поблескивали под флуоресцентными лампами его волосы, когда он глядел на меня с этакой непрошибаемой самодовольной уверенностью. О да, он уверен был, что моя боль не имеет никакого отношения к травме бедра, за которой последовала неудачная операция, к тяжелому восстановительному периоду, повлекшему за собой травму позвоночника, в результате которой у меня защемило несколько нервов. Нет-нет. Моя боль – это смерть матери, развод и рухнувшие надежды на театральную карьеру.

«Мисс Фитч, я готов прооперировать любого жителя Новой Англии, но только не вас, – с улыбкой качал головой он. – Вас я резать не стану. С чего бы? – продолжал он, ласково глядя на меня. – У вас нечего вырезать».

И я казалась себе распутницей, что сидит перед ним, бесстыдно раздвинув ноги, а он ласково, но твердо отказывается ее трахать.

«Не стоит настаивать, мисс Фитч, это даже как-то недостойно, неловко для нас обоих».

«Но я не могу ходить, – в отчаянии повторяла я. – И сидеть, и стоять».

«Мисс Фитч, – наклонялся ко мне он. – Если вы не можете ходить, поведайте, как же вы сюда попали?»

«Не знаю».

– Что? – переспрашивает Грейс. – Миранда, ты слышала, что я сказала?

– Ты сказала, что я режиссер, – шепчу я.

– Верно.

– Это не важно. Они не будут играть по правилам.

Я разглядываю этот факт словно со стороны, как будто издали любуюсь горящим костром.

– Времени еще полно. – Она кивает на метущую за окном метель, а потом подзывает официанта.

– Ты же знаешь, это всегда происходит слишком быстро. Не успеешь оглянуться, а она уже здесь.

– Кто? – спрашивает она, роясь в сумочке.

– Весна.

Меня пробирает дрожь. С тех пор, как меня назначили режиссером, я ненавижу весну. Умираю от ужаса при виде таящего снега. Содрогаюсь, увидев набухшие почки на ветвях. Запах

совокупляющихся деревьев, щебет птиц, аромат влажной травы... Бриана, наверное, все это обожает. Ждет с нетерпением. Даже какие-нибудь ритуалы устраивает, чтобы весна поскорее наступила.

Я поднимаю глаза на Грейс. Лицо ее теперь словно подернулось дымкой.

– Миранда, ты уверена, что с тобой все хорошо? Ты какая-то...

– Какая?

– Не знаю. Словно ты не здесь...

– Просто... – я растираю ногу, – просто тяжелый период. Как-то все навалилось.

И пытаюсь натянуто улыбнуться, как будто преодолевая что-то. Острую боль, например. Это правда, мне в самом деле очень больно, но гримаса все равно выходит фальшивая. Я откровенно плохо играю. Как дрянная актрисуля из рекламы обезболивающего. Умоляю зрителя мне поверить.

И Грейс это видит. Опускает глаза. И берет из тарелки ломтик картофеля.

– Миранда, слушай, ты всегда можешь попросить о помощи. Ты ведь помнишь об этом, правда? Я же буквально на соседней улице живу. Могу в прачечную для тебя сходить. Продукты принести. Окна позакрывать, если нужно.

«А сама-то даже о помощи не просит».

«Да она постоянно просит о помощи».

– Знаю. Спасибо.

Раньше мы с Грейс тесно общались. Дружили? Пожалуй, да. Еще не так давно я чуть ли не каждый вечер по дороге домой заглядывала к ней выпить. Ложилась на пол в ее гостиной, а она сворачивалась клубочком на цветастом диване и выпускала на себя свою бородастую ящерицу. Мы ругали факультет английского языка. Жаловались друг другу, что наш курс театроведения висит на волоске. Она просила рассказать о времени, когда я была актрисой. Или я сама заводила об этом разговор. Выпив сильнее обычного, Грейс всегда требовала историй о том лете, когда я работала в Диснейленде Белоснежкой. Почему-то эта моя роль интриговала ее куда больше, чем участие в тех или иных шекспировских постановках. Иногда мы намазывали на лица самодельную маску из розовых лепестков и смотрели один из ее любимых детективных сериалов. Она так и писала мне в сообщениях: «Как сегодня насчет роз и угроз?» А я всегда присылала в ответ смайлик, несмотря на то, что детективы она смотрела сплошь банальные, а от ее маски у меня начиналась крапивница. Мне просто хотелось побыть с Грейс. У нее в холодильнике всегда была припасена для меня бутылка белого вина. А я регулярно покупала пиво на случай, если она ко мне заглянет. И она мне сочувствовала – пускай и в этой своей жесткой, рассудочной манере.

Говорила, например: «Это тяжело».

А я отвечала: «Да» и всегда добавляла: «Но...», искренне желая закончить предложение чем-то позитивным, чтобы разрядить обстановку. Но в итоге просто замолкала. Грейс тоже ничего не говорила.

А паузу заполняла тем, что подливала мне в бокал еще вина.

Но в прошлом году, как раз накануне премьеры «Ромео и Джульетты», она вдруг заявила, что моя боль живет только у меня в голове. Заявила, не глядя на меня. Вцепившись руками в руль своего внедорожника. Не сводя глаз с исчерченного полосами лобового стекла, за которым серела новоанглийская весна. Я только что перенесла очередной бесполезный курс эпидуральных инъекций стероидов. И она везла меня домой из больницы.

«Давай я тебя заберу», – предложила она.

«Не хочу тебя напрягать», – ответила я. Я всегда так отвечала.

«Ничего страшного», – отмахнулась она. Нам обеим было известно, что больше меня забрать некому. И добавила: «Я с радостью». Но радостной при этом вовсе не выглядела.

«Ну, тебе лучше?» – спросила она, когда я, прихрамывая, вышла из отделения амбулаторной хирургии.

«Через пару дней станет ясно», – отозвалась я.

Молчание. Машина тронулась.

«Хотя, скорее всего, уколы не помогут, – добавила я. – Еще ни разу не помогли».

И рассмеялась. По большей части, ради Грейс, но смешок вышел жалобный и неестественный. А потом к глазам подступили слезы. Покатились по щекам, такие горячие и нелепые. И Грейс внезапно свернула на обочину. «Слушай, Миранда, – сказала она, не глядя на меня. – Я ради твоего же блага это говорю. Тебе никогда не приходило в голову, что все это может быть...»

Пока она распиналась, мы обе смотрели вперед, на засыпанную гравием обочину.

Собственно, с того дня. С того дня мы и отделились. Конечно, мы до сих пор вежливо общаемся, мы же профессионалы. И по привычке заходим вместе выпить после репетиции, но все изменилось. Теперь она смотрит на меня как бы со стороны. А мне хочется сказать ей: «Ты не обязана это делать. Притворяться, будто тебе интересно. Будто тебе не наплевать».

Но говорю я:

– Спасибо, я очень это ценю. И ты права, в итоге все уладится.

– Что уладится?

– Ну, проблемы с постановкой.

– Конечно, уладятся. Миранда, это ведь, в конце концов, всего лишь пьеса.

– Конечно. Ты права. Всего лишь пьеса, – лгу я.

– Ну ладно, – заключает она, – мне, пожалуй, пора. Ты идешь?

Я воображаю, как ковыляю к своему жалкому подобию машины. К черному «Жуку», который Пол когда-то подарил мне на тридцатилетие. До сих пор помню, как он улыбался мне сквозь лобовое стекло, подгоняя машину к дому. Даже воткнул маленький букетик ромашек в пластиковую вазочку. В те времена я еще могла более или менее грациозно влезть в маленькую низкую машинку. И мысль о том, что после предстоит из нее вылезать, не заставляла меня содрогаться от ужаса. Теперь же я заранее представляю, как мучительно будет забираться в «Жук». Корчиться в машине по дороге к дому. Вылезать из нее. Карбкаться на крыльцо, подволакивая омертвелую ногу. На обледенелых ступенях наверняка уже сидит обдолбанная комендантша нашего дома и прихлебывает текилу прямо из бутылки. И мне придется из последних сил стоять перед ней и слушать ее разглагольствования о погоде. Надо же, сколько снега навалило, она никак такого не ожидала! Стиснув зубы, отвечать ей. Изображать голосом веселье, натягивать на лицо улыбку. О, поверьте, когда-то я была очень хорошей актрисой.

– Нет-нет, ты иди, а я, наверное, еще посижу. Выпью немного. Послушаю вольнку.

Грейс смотрит на мой пустой бокал. Потом на меня. Третий стакан? Вольнка? Я что, издеваюсь? И где это я услышала вольнку?

– Ну, музыку... – не отступаю я.

Но в баре тихо. Слышно только, как гудят у стойки пьяные посетители. Хоккейный матч тоже транслируется без звука.

– Скоро начнется караоке, – заверяю я.

Мне отчего-то не терпится, чтобы она ушла. Мне больно от ее голоса, от ее вида, от вопросов, которые она задает, удивляясь моему необычному поведению. Болит все тело, но больше всего – голова. Я пытаюсь выгнать ее силой мысли. Интересно, получится? Нет, она по-прежнему сидит напротив. И смотрит на меня с тревогой.

– Миранда, с тобой правда все в порядке?

– Все нормально.

Мой голос – это пара рук, выпихивающих ее за дверь.

– Ну ладно. Слушай, может, пересечемся на выходных? Кофе попьем или еще что-нибудь?

– Может быть. Да, конечно. Увидимся. – Я растягиваю губы в улыбке.

* * *

«Я больше никогда не улыбнусь»², – поет музыкальный автомат. Как в тему. Взор мой туманится. Хочется спать. Может, все дело в таблетках и алкоголе? Их же нельзя смешивать. А я смешивала. «Поздно, Миранда! Наслаждайся теперь тем, как медленно кружатся темно-красные стены». Я вдруг замечаю, что зал как будто окрасился в красный цвет. Как такое возможно? А со стен на меня таращатся блестящими черными глазами звериные головы. Олени. Черные козы. Как странно, почему я их раньше не замечала?

– Как думаешь, они бутафорские? Или всех этих животных кто-то подстрелил? – спрашиваю я Грейс, а потом вспоминаю, что она ушла.

Я вытолкнула ее руками своего голоса. И осталась одна. За высоким двухместным столом возле барной стойки. Мои руки обнимают пустой бокал, словно прикрывают от ветра готовый вот-вот погаснуть огонек.

Свет в зале постепенно меркнет. Правда же, меркнет? Может, они уже закрываются? Я оглядываюсь по сторонам. До сих пор я и не замечала, какой этот бар огромный. Все тянется и тянется. И, похоже, я здесь совсем одна. Только у барной стойки сидит пара человек. А больше – никого. Как же это случилось? Куда все подевались? Алло? Песня стихает, постепенно сменяясь другой мелодией. Играет скрипка. Я уже слышала эту вещь раньше. Так ведь? Точно. Пол ее мне играл. Не на скрипке, на пианино. Он каждый вечер садился за пианино после работы. И по выходным играл по несколько часов в день. Это был его способ расслабиться, испытать блаженство. «Для меня пианино, как для тебя – театр». Не помню, как называется эта мелодия, но ее я любила больше всего. Она похожа на теплый дождь, на лунный свет, мерцающий на воде. Стоило Полу ее заиграть, как я, где бы ни находилась, сразу застывала и прислушивалась. Бывало, останавливалась в дверях гостиной и смотрела в его склоненную над клавишами спину и золотистый затылок. Можно бы сейчас ему позвонить... Нет, нельзя. Не нужно докучать ему приправленными таблетками и sprыснутыми алкоголем звонками. Не стоит рыдать в потрескивающую тишину в трубке. Шипеть: «Я скучаю по тебе. А ты по мне?» Он, наверное, сейчас ужинает со своей новой подружкой в нашем старом доме, в доме, из которого я, прихрамывая, бежала прочь, словно он был охвачен пожаром. «Это ведь ты уковывляла прочь, помнишь?»

Так, нужно выпить. Но все официанты куда-то испарились. Как такое возможно? Эй, народ, вы открыты или нет? Алло? Свет еще горит, хотя и тускнеет с каждой минутой. Автомат теперь играет «Звездную пыль»³. Чарующий голос Нэта Кинга Коула звучит слишком громко. Может, это какой-то фокус? Почему свет постепенно меркнет? Как так вышло, что в зале стало темно, только бар по-прежнему ярко освещен? За стойкой остался всего один бармен, бледный такой, в пиратской рубашке. Тут, в городе, таких типов полным-полно. Наверняка в свободную минуту гадает туристам на картах Таро. Хотя сразу видно, он не из тех, кто всем подряд предсказывает счастливое будущее. Нет, такие чаще всего предрекают что-нибудь невероятное и жуткое. И вот, что удивительно, чаевых за такие пророчества им дают даже больше, я сама видела.

² I'll Never Smile Again – песня, написанная в 1940 году Руттом Лоу. Исполнялась разными артистами, в том числе Фрэнком Синатрой.

³ Stardust – джазовая песня, написанная в 1927 году Хоуги Кармайклом. Считается одной из наиболее часто записываемых песен XX столетия.

«Вижу, тебя мучает боль», – с напускным пафосом сообщают такие типы легковерным дурачкам.

А те отчаянно выкрикивают за занавесом: «Верно! Верно!»

Иногда и я оказываюсь на их месте. Сижу за занавесом и позволяю себя одурачить. Шепчу, заливаясь слезами: «Это правда. Все правда. Как вы узнали?»

Бармен протирает бокал, который, несмотря на его усилия, вовсе не становится чище. И я понимаю, что предназначен он для меня.

Встав из-за стола, я хромаю к барной стойке.

Заметив, что я приближаюсь, бармен берет бутылку скотча и льет его в этот самый пятнистый бокал, на краешке которого виднеется след чьей-то губной помады.

Надо бы сказать ему, что стакан грязный, но я просто вытираю помаду большим пальцем.

И делаю большой глоток. Давненько я так не поступала. В последнее время всегда цежу напитки медленно, по капельке. Осторожничаю. Но не сегодня. К чертям осторожность! На хрен опасливые шажки! Не желаю помнить, какие из препаратов нельзя смешивать! Не стану высчитывать, как долго я сижу или стою. Нужно просто выкинуть все это из головы. И отпустить себя. Разве не этому учили меня аудиоуроки медитации? Одно время я очень усердно по ним занималась. Даже свечку зажигала, представляете? Для атмосферы. Для создания правильного настроения. И солевую лампу включала. Из ближайшего диффузора мне в лицо брызгало лавандовое масло. А я трупом лежала на полу, раскинув руки в стороны. Смешно сейчас вспоминать, как я верила во все эти ритуалы. Как искренне полагала, что однажды они меня исцелят.

Ладно, разрешу себе еще немного пройтись по тропе воспоминаний. Она чем-то напоминает дорожку, которую показывали в рекламе обезболивающего. По обеим сторонам пестреют странные цветы. Справа темнеет покосившийся деревянный забор, а слева колышется на ветерке море травы. Я смотрю вперед, но вижу по-прежнему нечетко, взор туманится, словно я во сне. Ведь были же времена, когда ходить было так легко. Просто ставишь одну ногу перед другой – вот и все. Шаг за шагом – навстречу счастью. В те дни я носила исключительно шикарные французские платья. И легкие кофточки с бантиками вместо пуговиц. Как чертовски хороша я была тогда, вы бы глазам своим не поверили. И, может, даже захотели бы свернуть мне шею. А что, если в этом все дело? Что, если это вы шепотом проклинали меня, когда я танцующей походкой проходила мимо? А я вас даже не заметила. В голове у меня было благословенно пусто. В своих кожаных туфельках с каблуками в виде сердечек я легко взбиралась на любую вершину. Да, мои сердечки твердо стояли на земле. А бархатная сумочка, набитая косметикой, распечатками пьес и журналами, хлопывала меня по бедру. Могла ведь и синяк оставить. Но мне было все равно. В те времена я была непобедима. Носила шелковые чулки, можете себе представить? Даже когда собиралась карабкаться в горы! И колготки в сеточку, которые в любой момент могли поехать, расползтись до самых щиколоток. Но мне и на это было плевать. Даже когда каблуки утопали в грязи, а кожа с них обдиралась, я не останавливалась. Вот что я сейчас делаю. Иду в своих старых туфельках по дорожке, которая постепенно превращается в горную тропу в окрестностях Эдинбурга, куда я приехала на фестиваль Фриндж, играть Елену. Мне двадцать четыре, и ноги у меня сильные и послушные. Там, наверху, смотровая площадка, с которой можно увидеть весь город. Чувствую спиной взгляд спешащего за мной Пола. На лицо ему падают золотисто-рыжие пряди. Он весь раскраснелся и тяжело отдувается. Боится от меня отстать. Мы познакомились только две недели назад, когда он увидел меня на сцене. Пол родом из Новой Англии, из Мэна, в Шотландию он приехал, чтобы отправиться в поход по горам, а в Эдинбург заскочил всего на пару дней. Но в горы в итоге так и не попал. Каждый вечер приходил посмотреть на мою Елену, а после караулил меня у театрального крыльца. Звучит немного жутковато, но так оно и было. Наверное, я не приняла его за чокнутого фаната только потому, что он был молод и очень хорош собой. И это его

агрессивное внимание, эта настойчивость очень меня заводили. Ночевать я должна была вместе с остальными членами труппы в однокомнатной квартире в Лите, но вместо этого каждую ночь проводила в его номере отеля на Принцесс-стрит. И каждый вечер, выходя из театра в еще не успевшие стуситься сумерки, я видела его. Рослого, улыбающегося, совершенно мной околдованного. Он готов был последовать за мной куда угодно – хоть на дно самого глубокого ущелья, хоть на заоблачную вершину. А я ходила, как обдолбанная, от внимания этого красавчика, этого незнакомца, который почему-то казался мне до странности знакомым. Его тихий голос, его добрые глаза... В общем, с ним я чувствовала себя, как дома. Вот сейчас обернусь – и увижу его. Он будет идти за мной след в след и смотреть мне в спину. Ах, как он смотрел на меня! Снизу вверх и с таким странным выражением на лице. Что же это было? Восхищение? Не совсем. Страх? Трепет.

Да, наверное, трепет.

«Тебя невозможно остановить», – говорил он мне, а я в ответ улыбалась.

Но вот я оборачиваюсь – а за спиной никого. Только чернота.

Облака стущаются, заволакивая образ произносящего эти слова будущего мужа.

Я бреду по тропе воспоминаний одна, в ортопедических ботинках, в растянутой кофте, в карманах которой гремят пузырьки с таблетками. Кругом все темнее. Солнце уже зашло. Исчезли странные яркие цветы. Ничего больше нет. Куда хватает глаз – только тьма и звезды.

– Вы вернулись, – произносит голос.

Мужской голос. Мягкий. Негромкий. Почти шепот.

Я открываю глаза. Их трое. Трое мужчин возле барной стойки. Один сидит справа от меня, а еще двое – слева. Первый – очень высокий, второй – толстый, а третий ничем особенно не выделяется. Все они одеты в темные костюмы. И держат в руках стаканы с напитками. И как это я раньше их не заметила?

Непримечательный смотрит на меня так, словно я мираж, появления которого он ждал весь вечер. Должно быть, это он ко мне обратился. Серое лицо. Красные глаза завязанного алкоголика. В руке низкий стакан, в котором плещется какая-то золотистая жидкость.

– Простите? – переспрашиваю я.

А он грустно улыбается. Толстяк рядом с ним склонился над стаканом со скотчем и закрыл лицо руками, будто не в силах смотреть на окружающий мир. У него длинные выющиеся седые – а местами желтоватые – волосы. Лица сквозь короткие пальцы не разобрать, но я замечаю оспины, расширенные сосуды, красные пятна – и все это отчего-то выглядит очень знакомо. Он похож на какого-то политика, которого я видела в новостях. Но нет, не может такого быть. Что бы такому человеку делать в понедельник вечером в захудалом баре?

Справа ерзает третий. Высокий. Стройный. Даже краем глаза я замечаю, какой он красивый. Я не столько вижу его, сколько чувствую рядом его присутствие, и волосы у меня на загривке встают дыбом. Что-то подсказывает, что не стоит смотреть ему прямо в глаза.

Непримечательный по-прежнему улыбается, словно мы с ним вовсе не угодили в какой-то трагический сон.

– Где вы были? – спрашивает он.

– Где я была? – повторяю я.

Он окидывает меня взглядом. Я сижу, склонившись над стаканом и вцепившись руками в стойку так крепко, словно это перила корабля.

– Мне показалось, вы ушли далеко-далеко. В своих мыслях, конечно.

Я поднимаю на него глаза. «Ни хрена ты не знаешь о моих мыслях!» И все же отчего-то медленно киваю и произношу:

– Да, все верно.

Зачем я ему это говорю? Этот незнакомец с глазами пьянчуги тарашится на меня так, словно прямо сквозь кожу видит мою душу.

– Не лучшее вышло путешествие, как я понимаю? – спрашивает он.

А я не знаю, что ответить.

И, не успев ничего придумать, выпаливаю:

– Да.

– Очень жаль. – Он корчит печальную гримасу. Вроде как сочувствует.

«Да кто ты такой, черт тебя возьми?» – так и подмывает меня спросить. Но вдруг к глазам подступают слезы. Какая глупость. Мой собеседник мгновенно превращается в улыбающееся, облаченное в костюм размытое пятно.

– Позвольте угадаю. Когда-то это у меня неплохо получалось. – Он смотрит на меня, склонив голову набок.

Так и буровит своими слезящимися глазами. Надо бы просто встать и уйти. Сказать этому мужику, чтобы не лез не в свои дела. Но его взгляд как будто пригвоздил меня к месту. Я отпиваю из бокала. А его красные глаза тем временем вонзаются в меня. Впиваются в мое скрюченное тело. Я крепче вцепляюсь в стакан. Лицо пылает, перед глазами все плывет от слез и принятых таблеток.

– L4–L5, – наконец, произносит он. – Это справа. И L2–L3 слева.

Я снова ударяюсь в слезы.

– Преднизолон, – мягко, словно это слово должно меня успокоить, добавляет он. – Потом инъекции стероидов, верно ведь? А врачей-то сколько! Не сосчитаешь... И у каждого свое мнение по поводу вашей МРТ. И каждый качает своей докторской головой и строит из себя бога. Один говорит: «Давайте ее взрежем». Другой: «Зачем? Ей нечего вырезать». Что дальше? Терапевты со своими пилюлями. Реабилитологи со своими упражнениями. Одни говорят – делайте растяжку. Другие – ни в коем случае, и думать о ней забудьте. Одни твердят – наклоняйтесь вперед. Другие – нет, назад. Одни повторяют – просто побольше отдыхайте, всем нам иногда нужен отдых. А другие – главное двигайтесь, не останавливайтесь, движение – это жизнь. Одни прописывают тепло, другие – холод. Третьи – то и другое. А четвертые – все что угодно, от чего вам становится легче. Но ведь вам ни от чего легче не становится, верно?

Я трясусь головой. Ни от чего, абсолютно ни от чего.

– Попадаются и такие, которые советуют позволить боли вас направлять, – улыбается он. – Тот еще наставник, верно ведь?

Я киваю.

– Дальше? Дайте-ка угадаю. Вы испробовали все методы альтернативной медицины. Акупунктура. Биологическая обратная связь. В вашем сердце снова и снова вспыхивала надежда. А помните того японского рефлексотерапевта, который забыл в вас иглу? Вы так и вышли от него с иглой между глаз и даже не заметили. А массаж? Полагаю, от него вам стало только хуже?

– Он же хотел как лучше, – шепчу я.

– О, они все хотят как лучше, мисс Фитч. И вам нравится, что к ним можно обратиться. Поговорить. Что каждое воскресенье к вам прикасаются чьи-то добрые руки. У вас ведь почти совсем не осталось друзей.

Он что, только что назвал меня мисс Фитч?

– Сэр, мы знакомы?

Он грустно улыбается.

– Вы ужасно подавлены.

– Подавлены, подавлены, – эхом повторяет мужчина, сидящий справа.

А Толстяк подвывает, уткнувшись в ладони.

– Внутри у вас все умерло.

– Умерло, умерло...

– Вы растеряны, вас унесло в бензодиазепиновое море.

– Вы плещетесь в его черных волнах.

– Откуда вы все это знаете? – спрашиваю я. – Вы... У вас тоже проблемы со здоровьем?

Мы с вами в одной лодке?

– В одной лодке, – повторяет Толстяк.

А третий мужчина принимается хихикать.

Толстяк уже истерически хохочет, все так же прикрывая лицо руками и мелко трясясь всем своим необъятным телом.

Но Непримечательный по-прежнему смотрит на меня с убийственной серьезностью.

– Я ваш товарищ по несчастью, мисс Фитч. Я такой же, как вы.

Он достает из внутреннего кармана платок. Темно-красный платок. На вид шелковый. Я думала, матерчатыми платками уже никто не пользуется.

– Возьмите, – говорит он и протягивает его мне.

Я качаю головой, но он не отстает. Все машет алым лоскутом у меня перед носом. «Сдавайся, сдавайся». В конце концов, я все же беру у него платок и аккуратно промакиваю им уголки глаз. Шелк на ощупь холодный и почему-то влажный.

– Спасибо, – говорю я. И смотрю на сидящего рядом Толстяка. Тот уже повалился на барную стойку. Уткнулся своим красным пятнистым лицом в сгиб локтя, но стакан из руки так и не выпустил. – С ним все в порядке?

– С ним? О да, все чудесно. Он в расцвете сил.

Третий мужчина усмехается и небрежно облакачивается спиной о барную стойку. Лица его мне по-прежнему не видно.

Непримечательный салютует мне стаканом. В нем плещется что-то золотистое. И очень красивое.

– Золотое снадобье, – говорит он.

И бармен наливает мне в стакан такой же золотистый напиток.

Непримечательный смотрит на меня так пристально, что это просто невыносимо. Скользит по моему лицу мрачным взглядом, а сам весело улыбается, будто я – какой-то забавный сон. Потом салютует мне бокалом и бормочет какую-то ерунду. Мне даже кажется, что он проносит слова задом наперед.

Не сводя друг с друга глаз, мы осушаем бокалы. Толстяк все так же лежит на стойке, а высокий, как я подмечаю, покосившись на него, слегка светится.

«До дна, до дна. До последней капли! Нырни в золотой огонь. Утони в пламени. А теперь отправляйся, насвистывая, гулять по золотому пляжу».

– Лучше? – спрашивает Непримечательный.

– Да, – отвечаю я.

И это правда. Музыкальный автомат теперь играет «Голубые небеса»⁴. И мне кажется, что внутри у меня тоже распахнулось голубое небо. Незамутненная лазурь. Костей я не чувствую. И кровь моя вдруг стала легка, как воздух. Кажется, я сейчас снова расплачусь, но нет, на моих губах играет улыбка.

– Конечно, это только временное улучшение. Ведь так они всегда говорят, да, мисс Фитч?

«Черт возьми, откуда ты знаешь, как меня зовут?» Мне хочется спросить его об этом, но мои губы, растянутые в широкую улыбку, отказываются шевелиться. Глядя на Непримечательного, я медленно качаю головой. Слезы я вытерла, и все равно его образ расплывается. Кожа вокруг глаз очень холодная. Кажется даже, что на ней выступила роса, и она вся светится.

– Я понятия не имею, как говорят.

Он накрывает мою руку своей.

⁴ «Blue Skies» – популярная песня, написанная в 1926 году Ирвингом Берлиным.

– «Как часто человек свершает сам, что приписать готов он небесам!»⁵

Акт первый, сцена первая. Двести восемнадцатая и двести девятнадцатая строки из монолога Елены. Строки, в которых она впервые открывает зрителям свою душу. Строки, которые Бриана бормочет себе под нос. Строки, которые я шепчу вместе с ней, сидя в темном углу зрительного зала. Глаза мои застыли слезы, как и сейчас. Я думаю о своей Елене. Я играла ее такой, какой ее видел автор, девушкой-загадкой. Ох, жаль, что вас там не было! Я говорила негромко, но голос был звучным и глубоким. Меня снедало отчаяние, и в то же время я была решительна и спокойна, как и подобает Елене. И по лицу моему было видно, что я твердо знаю, как мне поступить, как побороть выпавшие на мою долю невзгоды. Знаю, что другого пути нет, нужно взять дело в свои руки. Произнося эти строки, я смотрела зрителям прямо в глаза. Напускала на них колдовские чары, и все они были мной очарованы. Да, я была очаровательна.

Я смотрю на Непримечательного.

Как так вышло, что он помнит наизусть именно эту пьесу? Почему он процитировал мне эти строки? Может, он мне снится? Может, я сейчас лежу в своей постели? И мои веки трепещут в темноте?

Но вместо всего этого я спрашиваю:

– Вы как-то связаны с театром?

И тут Толстяк, который, как мне казалось, давно отрубился, снова начинает хохотать. Молотит кулаком по стойке. Вслед за ним принимается тихо посмеиваться мужчина справа, тот, кого я не могу рассмотреть. Тот, кого вижу только мысленным взором.

А Непримечательный отзывается:

– Как и все мы, разве нет?

⁵ У. Шекспир «Все хорошо, что хорошо кончается» (здесь и далее в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Глава 4

– По-моему, мне стало хуже, – говорю я Марку.

Мы с ним стоим в процедурном кабинете, который представляет собой белую клетушку с массажным столом, парой стульев и плакатом с изображением бескожего человека на стене. Марк смотрит на меня в недоумении. Конечно, он растерян. Лоб его пересекает глубокая морщина. Словно защищаясь от меня, он скрещивает руки на груди и повторяет:

– Хуже?

Я киваю. И вспоминаю краткий миг облегчения, который испытала вчера после того, как выпила в баре напиток. Домой я летела как на крыльях, сразу уснула, а когда проснулась, меня уже снова выкручивала знакомая боль.

– Гораздо хуже.

Я произношу это жалобно. Или вызывающе? А может, то и другое сразу?

Марк аккуратно прикрывает дверь процедурного кабинета. Не хватало еще, чтобы я и других пациентов заразила своим неверием. Своими страхами.

Он опирается на массажный стол, тот самый, на котором мне скоро предстоит лежать ничком, уткнувшись в слишком маленькую для моего лица дырку в виде пончика, от которой у меня до конца дня будут видны на щеках глубокие борозды. Сам он тем временем станет тыкать мне в спину обтянутым хирургической перчаткой пальцем. И грубо царапать кожу холодными инструментами. И стучать в позвонки, словно это двери, за которыми скрывается что-то интересное.

Сейчас же он скрещивает ноги – неторопливо, будто в запасе у нас все время мира, хотя на самом деле прием длится всего тридцать минут. А осталось их и вовсе двадцать три, потому что Марк опять опоздал. В последнее время он постоянно опаздывает.

– Расскажите, – просит он. – Поговорите со мной.

И произносит эти слова так ласково, так дружелюбно, словно в самом деле хочет услышать правду о моем самочувствии. Словно мечтает поговорить со мной по душам.

Марк терпеливо ждет, когда я заговорю, а я рассматриваю его. Крошечную бородку под нижней губой. Недавно обновленную модную стрижку. Кулон «инь-ян», болтающийся на шнурке у него на шее. Приятное лицо своего в доску парня, на котором застыло выражение «я весь внимание».

Но это ложь. Неужели он в самом деле хочет, чтобы я была с ним откровенна? Нет, конечно, такого нашим отношениям не перенести. Как и ему.

Я открываю рот, чтобы высказать ему все, что тщательно отрепетировала по пути сюда. В машине, обращаясь к заляпанному грязью лобовому стеклу, а на светофорах – к пустому пассажирскому сиденью. В приемной, пока до рези в глазах таранилась на обложки потрепанных спортивных журналов с волнистыми, словно вымокшими, а после высушенными страницами, захватанными пальцами сотен жертв несчастных случаев. Я перечисляла свои симптомы по пальцам. Записывала их в «Заметки» на телефоне, чтобы не забыть. Составила список всех частей моего тела, которым за год нашего сотрудничества вовсе не стало лучше. Всех упражнений, выполнять которые мне так больно, что, по-моему, они только вредят. Я хочу сказать Марку, что, по моим ощущениям, у нас с ним больше нет никакого плана. Мы угодили в какой-то реабилитационный замкнутый круг. Не осталось ни цели, ни направления движения.

Марка мне около года назад посоветовал доктор Ренье. «К счастью для вас, – сказал он, – тут, в Массачусетсе, есть всемирно известный центр реабилитации после травм позвоночника».

«Правда?» – всхлипнула я.

«О, да, мисс Фитч. Прямо в этом здании. В подвальном этаже, – улыбнулся он. – И я знаю реабилитолога, с которым вы отлично сработаетесь. Это Марк».

Помню, я повторяла это имя, словно мне посулили отпущение грехов. «Марк». Смаковала его на языке, как манну небесную. Жмурилась от счастья. Марк непременно окажется лучше, чем Люк. И Мэтг. И Тодд.

«Он обязательно вам поможет, мисс Фитч».

«Он обязательно мне поможет», – твердила я. И сама в это верила. Когда я впервые спустилась в подвал, в «Спинальное отделение», Марк встретил меня на площадке у лифта. Стоял с планшетом в руках и ждал меня. На шее его поблескивал «инь-ян».

«Вы, должно быть, Миранда», – сказал он мне.

А потом: «Вау! Какая у вас классная футболка! По правде говоря, кои – моя любимая рыбка».

Я смотрела на Марка, как на бога.

«Расскажите мне все, Миранда, – добавил он мягко. – Я хочу услышать все с самого начала».

И я рассказала. Рассказала Марку всю свою историю – про падение со сцены, про боль в левом бедре, про неудачную операцию, про сложный восстановительный период, про то, как внезапно у меня заболела еще и правая нога, про результаты МРТ, о которых у каждого врача находилось свое мнение, про инъекции стероидов в бедро и в позвоночник, про акупунктуру, про биологическую обратную связь, про мужчину в белом халате, который вонзал мне в грудь палец, словно кол в сердце вампира, про специалиста по китайской медицине, который воткнул иголку в мой малоберцовый нерв, а я от неожиданности пнула его ногой в лицо. Марк слушал, кивал, тихонько хмыкал – я принимала эти звуки за выражение участия, складывал вместе ладони, словно молился за меня, прижимал кончики указательных пальцев к губам.

«Рассказывайте дальше», – снова и снова повторял он. Словно никак не мог наслушаться. Честно говоря, с тех пор, как я перестала выходить на сцену, у меня никогда еще не было такой благодарной аудитории.

Сложно было рассказать все по порядку. Факты и детали постоянно путались в голове, мне не удавалось восстановить последовательность событий. И я все время за это извинялась.

«Не извиняйтесь, – говорил Марк. – Даже не думайте. Вы так хорошо держитесь. Просто молодец».

Как вдумчиво он кивнул, когда я, наконец, закончила. Как бережно провел диагностическое обследование. Просил наклониться вперед. «Осторожно, осторожно». Потом назад. «Не спешите. Что вы сейчас чувствуете?»

И я поверила, что могу сказать Марку правду.

«Мне больно, – выдохнула я. – Ужасно больно».

Думала, он сейчас закатит глаза и покачает головой. Я ведь уже привыкла к жестокости Люка и безразличию Мэтга. Но Марк только кивнул. Конечно. Конечно, вам больно.

«Думаю, я смогу вам помочь», – наконец объявил он.

«Правда?»

Помню, как он взял мои руки в свои. На нем были медицинские перчатки, но я даже сквозь латекс ощутила тепло.

«Я избавлю вас от боли, Миранда», – пообещал Марк. И приложил обтянутую перчаткой руку к груди, словно признавался в любви.

«Но что, если вы не сможете мне помочь?» – прошептала я.

Марк улыбнулся. «Давайте мы будем решать проблемы по мере их поступления».

Мы. Сердце мое воспарило. Из глаз хлынули слезы, хотя я вовсе не собиралась плакать. Люк, заявлявший, что слезы не по его части, неплохо меня выдрессировал.

«Станете плакать, – грозил он, – я просто встану и выйду из кабинета». Да еще и улыбался при этом.

«Миранда, – ласково сказал мне Марк. – Я хочу вам кое-что показать».

«Что?» – прошептала я.

«Один ролик. Пришлю вам ссылку. Посмотрите, ладно? По-моему, он может стать для нас отличным стартом».

Для нас.

«Конечно, посмотрю, – пообещала я. – С радостью».

И посмотрела. Вечером, ссутулившись над обеденным столом и водрузив ноутбук на стопку учебников по теории драмы. Что же там такое? Новые упражнения? Инновационный метод лечения, которым мы с ним займемся? Открывая ссылку, я испытывала небывалый душевный подъем. А в ответ получила мультфильм. Мультфильм про гигантский нарисованный мозг с большими немигающими глазами. За которым, словно крысиный хвост, волочился спинной мозг. Тело у мозга было из палочек. Он бродил на своих палочных ножках под грязно-серым небом по небрежно нарисованному миру. И физиономия у него была грустная. А все потому, что он воображал, будто ему больно. Боль, объяснял голос за кадром, живет в мозгу. Помнится, меня охватила ярость. Значит, вот что Марк обо мне подумал? Что я – какой-то мрачный мультяшный мозг, который сам себя не выпускает из серого мира? Я вспомнила, как восторженно он смотрел на меня широко открытыми глазами. Как складывал вместе ладони. Какие теплые были у него руки даже сквозь медицинские перчатки. Нет. Не может быть. Я ошиблась.

С тех пор прошел почти год.

И что же? Все это время мы с Марком встречаемся дважды в неделю. Лучше мне не становится, делается только хуже, и привело это к тому, что наши отношения охладели. Марк больше не встречает меня у лифта. Мне приходится ждать его в приемной, а он частенько опаздывает, задерживается с предыдущей пациенткой. И слыша доносящийся из спортзала залихватистый женский смех, я понимаю, что пациентка эта еще верит в его целительную силу. Теперь Марк окликает меня с другого конца холла и отводит глаза, чтобы не смотреть, как я поднимаюсь со стула и хромаю к нему, приволакивая омертвелую ногу. Которая не желает лучше разгибаться, сколько бы он ни вгонял в нее иголок, сколько бы ни тянул, норовя выдернуть из сустава, сколько бы ни скреб ее медицинскими железяками, сколько бы ни вдавливал в нее пальцы, оставляя на коже темные синяки.

«Как у нас дела?» – спрашивает он. Но сразу же разворачивается и шествует в процедурный кабинет, зажав под мышкой мою всю больше разбухающую медицинскую карту. Потому что он и так знает, как у меня дела. Мне не лучше, мне никогда не становится лучше. Одна из «тех» пациенток. Мультяшный мозг, желающий жить под собственноручно нарисованным грязным небом. Женщина, которая отказывается верить в маленькие победы. Он честно пытается потушить пожар, а я продолжаю нахально утверждать, что меня пожирает пламя.

«Поговорите со мной, Миранда», – просит Марк.

А я вспоминаю мультяшного про страдающий от боли мозг. Про печальный нарисованный мозг, за которым, словно щупальца у медузы, тянутся нервы.

Мне хочется сказать Марку, что я способна выполнять инструкции. Что до него у меня был Люк, а еще раньше – Мэтт. И я следовала всем их предписаниям, несмотря на то что Люк был жестоким, а Мэтт – попросту безмозглым садистом. Что я осилила всю драконовскую программу Люка. Делала все упражнения по набросанным им от руки рисункам, хотя в процессе мои нервы и позвоночник орали благим матом. И Мэтта я слушалась, не обращая внимания на то, что при встрече со мной у него всегда был смущенный и испуганный вид. И на вопросы мои он не мог ответить. Каждый раз говорил: «Хмм, дайте-ка подумаю».

И программу Марка я тоже честно выполняла.

Мне хочется сказать Марку, что я *умею* доверять. Я *хороший* пациент. И я готова довериться профессионалу на разумный период времени – на несколько недель, даже месяцев. Просто опыт у меня был очень печальный, и Марк, к несчастью, не стал исключением. Вот почему я начала ходить на сторону – к Джону. Хотя и он тоже не сказать чтобы отличный специалист. Понятия не имею, куда меня заведут эти запутанные отношения.

Марк твердит мне: «Исцеление – это долгое путешествие».

А еще: «Боль – это информация».

Что я могу ответить человеку, который во все это верит? Притом верит безоговорочно.

– Миранда, – окликает меня Марк.

– Да?

– Говорите же.

Но все, что я хотела ему поведать – все важное, тщательно сформулированное, аккуратно записанное, – уже улетучилось из головы или рассыпалось в пыль.

– Нога все так же не слушается, – начинаю я.

Марк кивает. «Ну, конечно».

– Я даже согнуть ее не могу.

Марк кивает снова. Не можете, ясное дело.

– И она болит, – наконец, добавляю я. – Сильно болит.

Марк кивает в третий раз. Разумеется, она болит. И это нормально. Абсолютно нормально. Ведь боль – это информация.

Он пощипывает бородку.

– Где именно у вас болит?

– Здесь, здесь и там, – отвечаю я. – И тут тоже. Честно говоря, она вся болит.

И Марк опять кивает. Естественно. Это неотъемлемая часть. Часть путешествия, которое мы с ним совершим в следующие девятнадцать минут рука (в медицинской перчатке) об руку. Марк не устает мне напоминать, что было время, когда он тоже мучился от боли. От боли в пояснице: «Точно как вы, Миранда». Межпозвоночная грыжа, ага. L-4, L-5, хотите верьте, хотите нет. Так что проблема у нас с ним общая. У него даже синдром отвисающей стопы развился. Хотели операцию делать. Серьезно, именно так. Он с тремя хирургами консультировался, к одному даже в Нью-Йорк ездил. И этот, из Нью-Йорка, так ему и сказал: «Повезло вам, что я занятой человек». Потому что, судя по МРТ, его нужно было немедленно везти в операционную. Но хирург был в тот момент очень занят и решил дать Марку шанс излечиться самостоятельно. И Марк излечился, да, с помощью гиперэкстензии. Конечно, на это ушло несколько недель. Но ему же стало лучше. А все почему? Потому что он верил, что ему станет лучше. Маленькие победы. Дух превыше материи. «Наш разум всесилен, Миранда».

– Что именно вы чувствуете? – спрашивает Марк.

И наклоняется ко мне. Такой внимательный, такой искренний, что на мгновение мне даже становится его жаль. Начинает казаться, будто я притворяюсь.

– Можете описать свою боль? – добавляет он.

На меня внезапно наваливается усталость.

– Я не знаю, как ее описать, – наконец, отвечаю я.

И качаю головой. Кажется, я вот-вот расплачусь. Но нет, этого не будет. Я почти никогда не плачу.

Марк снова кивает. Ему ужасно интересно. Столько новой информации.

– Попробуйте, – говорит он.

– Наверное... с этой стороны у меня как будто бы все горит. А с этой – немеет. А вот здесь и горит, и немеет одновременно. И ощущение, что боль в этой области... не знаю... Она красная, понимаете?

– Красная? – повторяет Марк.

Я киваю. Да. Красная.

– И пульсирующая.

– Пульсирующая, – отзывается Марк. – Любопытно.

– А ступня, – продолжаю я. – На ней как будто бы стул стоит или еще что-то. Ощущение, что ее вот-вот расплющит.

– Стул.

Да.

– Хмм, – произносит Марк.

Снова скрещивает руки на груди. И смотрит в пространство. Стул. Красный. И пульсирующий. Вот теперь он всерьез задумался. И внутри у меня, несмотря на весь скепсис, взмывает надежда. Может, сегодня Марка посетит новая идея?

– Что ж, – выдает он, наконец, – давайте-ка мы вас обследуем.

– Как? Обследование?

Ноги сводит от ужаса. Нервы уже заранее ноют. Раньше я обожала обследования. «Обследование, да-да, давайте меня обследуем!» Это было в те времена, когда я еще верила, что обследования могут к чему-то привести. К постановке диагноза, например, за которым следует составление плана лечения и исцеление. Но теперь я знаю, что никакого смысла в обследованиях нет. Это темная тропка, которая ни к чему не ведет, только заманивает еще дальше во тьму.

Я смотрю на Марка, очень довольного тем, что он придумал, чем нам сегодня заняться, и говорю себе: «Сваливай отсюда. Беги без оглядки!» Но потом вспоминаю, что я даже ходить толком не могу. Воображаю, как я буду сердито ковылять прочь. А Марк, наблюдая, как я приволакиваю омертвелую ногу, лишь покачает головой и скажет мне вслед: «Вы все равно вернетесь».

– Ладно, – соглашаюсь я. – Значит, обследование.

Марк велит мне проделать несколько диагностических упражнений, которые я выполняла уже миллион раз. Командует: «Наклонитесь вперед, да, вот так». Потом: «Наклонитесь назад. Хорошо». Просит пройтись на носках, затем на пятках. Сесть на стул, податься вперед и поднять правую ногу. Потом левую. «Протяжка нервов» – вот как он это называет. Я подчиняюсь ему, умирая от ужаса, очень боюсь, что от всего этого мне станет только хуже. Марк же кажется совершенно невозмутимым. У него всегда такое лицо во время работы – наверное, это признак предельной концентрации. Однако сегодня он почему-то ничего не записывает.

– Отлично, а теперь – на стол, – объявляет он, похлопывая по нему ладонью. – Ложитесь на живот, вот так. Лицом в отверстие. Хорошо. А теперь прогнитесь в спине.

«О, нет, только не это», – думаю я. Нам обоим известно, что после такого мне всегда становится хуже. Мы бог знает сколько раз из-за этого препирались. Меня и Люк заставлял так делать. И Мэтт. А теперь пришел черед Марка. И мне всегда, всегда после этого упражнения делается только больнее.

– Э-э, но мы же с вами уже такое делали и...

– Попробуем еще раз, – перебивает Марк. – Не забывайте, что наша цель – централизация. Мы хотим, чтобы боль ушла из вашей ступни и вернулась к своему источнику – в спину. Верно ведь? Так что просто послушайте меня и повторите упражнение десять раз.

Я подчиняюсь. И все происходит так, как я и думала. Правую ногу сводит еще сильнее. Левый бок полыхает огнем.

– Как вы себя чувствуете?

Ужасно. Отвратительно. Именно так, как я ожидала. Именно так, как предсказывала.

– Нога совсем не гнется. И бок болит сильнее.

Я поднимаю глаза на Марка.

Лицо у него совершенно спокойное, если он и злится на меня, со стороны не поймешь. Он кивает. Ну, конечно. Этого он и ожидал. Конечно, я думаю, что мне стало хуже. Потому что я заранее все решила, не так ли? Потому что я твердо намерена оставаться несчастной. Не хочу, чтобы мне помогали. Не верю в маленькие победы.

– Сделайте еще десять раз, – спокойно произносит Марк.

– Еще десять?

– Просто хочу кое-что увидеть, – отвечает он.

И складывает ладони под подбородком, как будто молится.

Я проделываю упражнение еще десять раз. И с каждым прогибом мне все больнее.

Марк стоит в дверях, сложив руки на груди, и смотрит на меня со скучающим видом. Время от времени он бросает: «Хорошо», а сам рассеянно оглядывается на спортивный зал.

– Ну и как? – спрашивает он, когда я заканчиваю.

– Теперь у меня вся нога болит, – отвечаю я. – До самой ступни.

Той, из которой боль, по вашим словам, должна была уйти.

Поразмыслив, Марк выдает:

– Как по мне, все идет нормально. Вот что, повторите-ка это упражнение еще десять раз.

– *Еще* десять? Вы что...

– Ага. А я пока схожу в туалет.

Марк уходит. Я проделываю упражнение еще десять раз. Мои ноги орут, как бешеные.

Закончив, я ничком лежу на столе, чувствуя, как мое тело пожирает огонь. А позвоночник сжимают кулаки. Марк куда-то испарился.

– Марк? – жалобно зову я. – Эй, Марк? Вы тут?

– Ага, – отзывается он, появляясь из-за угла. – Вы отлично справились. Как самочувствие?

– Жаль это говорить, но мне очень, очень больно.

Молчание.

– Ну хорошо. Теперь полежите на животе, подышите и мысленно обследуйте свое тело.

– Но у меня нога очень...

– Дышите диафрагмой, – не слушает Марк.

Я чувствую, как он приподнимает на мне футболку. И размазывает по пояснице какой-то холодный гель.

– Вы ведь умеете дышать диафрагмой, правда? Вы же артистка? – вкрадчиво произносит он.

Больше меня сегодня наказывать не будут.

Кожу царапает холодное железо.

– Актриса, – уточняю я. И тут же вспоминаю свою нынешнюю вотчину – мертвые глаза, скучающие лица. «Я теперь не актриса, я – педагог». Но спорить с Марком у меня нет сил, и я просто киваю. – Верно.

– Как здорово, – отзывается Марк. Он уже не раз это говорил. – Я мог вас видеть в каком-нибудь фильме?

Теперь он хочет со мной поболтать. Потрещать ни о чем. Разрядить обстановку. В то время, как мне не терпится засыпать его новыми вопросами. «Я когда-нибудь поправлюсь? Что со мной не так? Это неврология? Или что-то соматическое? Пожалуйста, ответьте».

– Я театральная актриса, – отвечаю я Марку. – Я же рассказывала вам, что играла в театре.

Да еще сколько раз! Он что, не помнит, что я упала со сцены? Это из-за театра я попала сюда, в этот подвал, в процедурный кабинет, в обтянутые перчатками руки Марка, царапающие мою спину медицинскими инструментами. Это он отобрал у меня жизнь и превратил в ходячего мертвеца, в прислужницу Брианы.

Вакансию преподавателя пять лет назад показал мне Пол. «Доцент кафедры театроведения». В каком-то либеральном творческом колледже, о котором мы оба впервые слышали. Зато находился он неподалеку от нашего тогдашнего дома. «Должностные обязанности: чтение трех курсов лекций в течение каждого семестра, а также подготовка студенческого спектакля для ежегодного шекспировского конкурса».

«Но я ведь никогда не преподавала и спектакли не ставила», – возразила я.

«Зато у тебя есть соответствующее образование. К тому же ты актриса. Сколько лет сцене отдала, десять?»

Помнится, меня перевернуло из-за того, что он сказал об этом в прошедшем времени.

«Мне просто кажется, что должность преподавателя для тебя неплохой вариант, – продолжил Пол и быстро добавил: – На время, конечно».

«Ну, знаешь, хоть выберешься из дома. Отвлечешься от своих мыслей. По-моему, стоит попытаться, нет?» Вид у него был почти отчаявшийся. К тому времени наша с ним семейная жизнь уже висела на волоске. После несчастного случая я какое-то время пыталась играть домохозяйку. Закупила онлайн весь необходимый реквизит и костюмы. Формочки для маффинов, французскую скалку, обшитый бусинками фартук с надписью «кухонная ведьмочка». Я заказывала книги по садоводству и приготовлению коктейлей, представляла, как стану сама печь хлеб, выращивать тюльпаны и нежнейший салат, смешивать все виды мартини. Буду встречать Пола с работы, стоя в дверях, хромая, зато с широкой улыбкой на лице, готовая подхватить его под руку и отвести в наш чудный садик. Но я так ничего и не вырастила, не приготовила, не испекла. Земля в саду осталась нетронутой, я просто мрачно смотрела на нее из окна гостиной, лежа на нашем каменном раскладном диване.

В общем, я кое-как смастерила резюме. Попросила парочку знакомых режиссеров замолвить за меня словечко. Все они были в курсе того, что со мной случилось. Все очень мне сочувствовали и охотно лгали.

«Нам вас очень рекомендовали», – одобрительно сказал мне декан на собеседовании.

Серьезно?

– Ах, да, в театре, точно, – говорит Марк. – Знаете, мы с моей невестой на днях ходили на «Призрак оперы». Она обожает мюзиклы.

Кто бы сомневался.

– А вы когда-нибудь играли в мюзиклах?

– Нет. Я ненавижу мюзиклы.

Марк смеется. Невероятное добродушие. Ну конечно, я просто обязана ненавидеть мюзиклы. Ведь они несут радость. А я – воплощенная противоположность радости. Марк царапает мне кожу, а я лежу и предаюсь злобным фантазиям. О его невесте. О том, как они с Марком вместе смотрят «Призрак оперы». Чувствую на коже его дыхание. Тепло его докторских рук. Только такие в последние годы – с тех пор, как мы с Полом разошлись, – меня и касались. Конечно, под конец Пол тоже не слишком часто меня трогал. Наша интимная жизнь сначала сократилась до редких случаев неловкого секса, потом до несчастных минетов, а под конец боль и таблетки окончательно убили мое желание. Теперь мне хотелось только одного – чтобы меня обняли и наградили целомудренным поцелуем.

«Давай я сделаю что-нибудь для тебя», – всякий раз предлагал Пол. Но из-за постоянного общения с реабилитологами и хирургами собственное тело стало казаться мне чужим, каким-то медицинским объектом, достойным исключительно врачебного внимания.

«Просто обними меня», – просила я. Прекрасно понимая, какой асексуальной ему кажусь. Жалкое подобие того создания, которым была до падения, создания, для которого секс и близость были важны, как воздух. Я даже глаза поднять на Пола не смела. Он вздыхал и распахивал руки мне навстречу. Вяло, но без раздражения. А я висла на нем, как утопающий.

– Маленький укольчик, – говорит Марк.

Я чувствую, как в спину мне вонзается сухая игла, и вскрикиваю.

– Отлично! Хорошая реакция, – продолжает Марк. – Ну замечательно. Теперь немного походите.

Не сводя с меня глаз, он заставляет меня пройти до конца спортивного зала. Из-за всего, что он со мной проделал, спина и ноги пульсируют. Ковыляя, я рассматриваю других пациентов, пинающих и толкающих воздух своими атрофированными конечностями. Женщина с опухшими ногами жмет педали велотренажера. Пожилой мужчина безуспешно пытается устроиться поудобнее в тренажере для жима ногами и тихо вскрикивает каждый раз, когда его негнущиеся жилистые ноги толкают платформу. А его реабилитолог, испуганная молодая девушка с хвостиком на голове, с интересом за ним наблюдает.

– Ну и как мы теперь? – спрашивает Марк.

И смотрит на меня так победно, с такой надеждой, что меня это просто убивает.

«Хуже. Гораздо хуже. Вы калечите меня, понимаете? Вы надо мной измываетесь».

– Мне по-прежнему больно, – извиняющимся тоном произношу я.

У Марка ошарашенный вид. «Все еще? Не может быть».

– Вся нога болит, до самой ступни?

Я киваю.

– Но немного меньше?

Нет. И близко нет!

– Может, самую малость, – лгу я, ненавидя себя. Ненавидя Марка.

– Вот видите, – заявляет он. – Маленькая победа.

– Но я все еще странно себя чувствую, – тщетно силюсь достучаться до него я.

И Марк заявляет, что я должна делать то же упражнение дома. Каждый час. От десяти до тридцати повторений.

– Каждый час?

Он пожимает плечами.

– Или всякий раз, как поймете, что вам это нужно. – Он смотрит куда-то поверх моего плеча. Уже отстраняется от моих страданий, от моего недуга. Это больше не его проблема. – Всякий раз, как почувствуете себя хуже.

– Но мне уже хуже, – возражаю я. «Из-за вашего упражнения».

Однако Марк смотрит мимо, в сторону приемной, а это значит, что следующий пациент уже прибыл. Обернувшись, я вижу, что ему, улыбаясь, машет женщина в спортивном трико. Должно быть, новенькая. Судя по тому, как сияют ее глаза, по тому, как искренне она верит. Меня захлестывает паника.

– А что насчет тренировок лежа? – спрашиваю я, заслоняя от него приемную своим скрюченным телом.

– Конечно, их тоже можете продолжать.

– А ходить можно? – Этот вопрос я задаю всегда.

– Миранда, просто прислушивайтесь к своему телу. – А Марк всегда так отвечает. – Пусть боль вас направляет. Помните, боль – это информация. Можете попробовать согревающий компресс, если хотите.

– Согревающий? А как часто его делать? И сколько держать? – возбужденно спрашиваю я. Может, вот оно – золотое снадобье?

– Или приложите лед, – бросает Марк. Король противоречий. – Если так вам больше нравится. Или то, или другое.

– Но что лучше? – в отчаянии допытываюсь я.

– То, от чего вам станет легче.

И я вспоминаю троицу, которую вчера видела в баре. Золотой напиток, от которого моя кровь посветлела и запела. Непримечательного мужчину, который с таким сочувствием смотрел на меня красными слезящимися глазами. «Но вам ни от чего легче не становится, верно?»

– Что-что?

– Ничего.

Марк дважды хлопает меня по плечу и говорит:

– Завязывайте хандрить.

И мне невольно видится веревка, завязывающаяся вокруг моей шеи. И собственное мертвое тело, свисающее с крюка в потолке. Марк узнает обо всем, листая новости в телефоне. Печально кивнет. Может, даже спрячет лицо в ладонях. Возможно, этот случай раскроет ему глаза. Заставит понять, что боль – не просто наставник, не только информация, не строгий учитель и не урок, который я должна усвоить. Теперь уже мне представляется Марк, раскачивающийся на вбитом в потолок крюке.

Направляясь к выходу, я прохожу мимо новенькой, старательно разминающейся на мате. Ерзая задом по поролоновому валику, она растягивает мышцы задней поверхности бедра. Марк и меня этому учил, он всех нас этому учил. Вот он подходит к ней, и они начинают со смехом обсуждать график пробежек. Должно быть, у нее что-то несложное, легко поддающееся лечению, типа подошвенного фасцита. От Марка только и требуется, что помассировать ей ступню и показать несколько упражнений на растяжку. А может, у нее что-то более серьезное, более неуловимое. Может, она из Нервных Женщин. Тех, кого терзают невидимые боли. Тех, у кого внутри мигают алые сети. Паутина, в которой не видать паука.

Глава 5

Долгий выматывающий перерыв между занятиями. В лицо мне бьет белый зимний свет. А в открытый рот снова сыплется снег, потому что кто-то (быть может, Фов) в мое отсутствие открыл окно. Я в кабинете, лежу на полу в привычной позе: лодыжки – на сиденье кресла, ступни свешиваются с краю. Но сегодня она мне совсем не помогает. От нее только хуже. Я разглядываю обратную сторону столешницы – шербатая фанера, в углу затаился паук. В обычное время я бы заорала, увидев его. Но сегодня просто смотрю в то место, где, по моим понятиям, должны располагаться его восемь глаз, и мне кажется, что они взирают на меня с поразительным состраданием.

«Миранда, мне так жаль, что вам тяжело приходится. Миранда, чем я могу вам помочь?»

Занятие по сценарному мастерству я сегодня вела, опираясь о стол. И понятия не имею, о чем говорила все семьдесят пять минут. Кажется, несла что-то о ведьмах. И о шекспировских временах. Может, объясняла студентам, что такое великая цепь бытия? Ну да не важно, в любом случае, они что-то записывали. По крайней мере, некоторые из них. А остальные просто пялились на меня или переглядывались.

«На чем я остановилась?» – спрашивала я у кружащей в воздухе пыли.

«На чем я остановилась?» – вопрошала я висящие у них над головами часы.

Кажется, в какой-то момент я нарисовала на доске спираль. Она все раскручивалась, раскручивалась и, в конце концов, совсем отбилась от рук. Помогите. «Пример вам в помощь», – сказала я им.

Моя спина и нога все еще вопят от боли после того, что накануне с ними сотворил Марк. Я сразу поняла, что мне стало хуже – еще когда ковыляла прочь от «Спинального отделения» и ехала домой в своей клоунской машине. Это была не та привычная боль, что мучила меня каждый раз, когда я выходила от Марка или любого другого лекаря, твердя себе: «Со временем она утихнет». Просто приложи на ночь лед, проглоти обезболивающее и запей его парой бокалов вина. Нет, это было что-то новое. Что-то реальное. Казалось, вся поясница у меня в крови. Бедренные кости выскочили из суставов. Таз как будто вывернут наизнанку. Спинной мозг давит на кожу спины и, кажется, вот-вот выскочит наружу. А левый тазобедренный сустав неприлично раздулся под платьем. Всю дорогу до дома я глотала таблетки. А когда вылезла из машины, обе мои ноги взбунтовались и отказались меня нести. Правая при этом совершенно не разгибалась, колено висело почти над землей. Ей-богу, я слышала, как она рычала на меня, будто злая собака.

Комендантша Шейла сидела на ступеньках в накинутой поверх пижамы парке и, покуривая, смотрела, как я хромаю к крыльцу. Она живет в соседней от меня квартире, одна, если не считать кошки-подобрашки. Каждый раз, когда я вижу ее, она либо пьяна, либо под кайфом, впрочем, я и сама-то не лучше. Вот и вчера я по дороге домой проглотила столько колес, что мне мерещилось, будто с неба на нее опускаются искорки света и пляшут вокруг ее головы.

«Миранда, у тебя все нормально?»

«Нет, – хотелось ответить мне. – Мне страшно. Я в панике. Я совершенно разбита. Мне грустно. И чудовищно одиноко. А еще мне нужно в травмпункт. Проводи меня, пожалуйста».

Но вместо этого я сказала: «Да-да, все хорошо. А у тебя?»

«Ты вроде как сильно хромаешь. Точно все в норме?»

«Да-да, спасибо».

Однако вечером она наверняка слышала через стенку, как я рыдаю у себя в квартире.

«Рыбка моя золотая, я совсем измучилась», – захлебываясь, шептала я Полу в телефонную трубку. Это прозвище я дала ему давным-давно – за золотисто-рыжую шевелюру. Я позволила ему после того, как осушила второй бокал шардоне. Хотя и клялась себе, что перестану

так делать. Пол все равно больше не желает со мной разговаривать. «Миранда, я начал новую жизнь». Сколько раз он мне это говорил? «Миранда, ты сама меня бросила, помнишь? Это ведь ты ушла, а не я». Ненавижу, когда Пол мне об этом напоминает. Может, это и правда, но не вся правда. Играй мы с ним в пьесе, зрители, конечно, считали бы подтекст. И сказали себе: «Он оттолкнул ее своей холодностью. Его измучили ее мучения». А потом зарыдали от жалости ко мне.

«Миранда, – сказал Пол. – Будь добра, говори погромче. Я ничего не понимаю».

«Я говорю, что совсем измучилась. Они меня измучили».

Потом я плакала в потрескивающую в трубке тишину.

«Они – это кто?» – наконец спросил Пол.

«Мои реабилитологи».

«А. Мы опять твое колено обсуждаем?» – раздраженно буркнул он.

И на мгновение мою тоску вытеснила злость. Колено?

«Не колено, Пол. А бедро и спину. Ты что, не помнишь, что мне делали операцию на бедре?»

«Миранда, я...»

«А во время восстановительного периода я повредила спину. И теперь у меня ноги...»

«Слушай, мне просто сложно держать все это в голове», – вздохнул он.

«Понятно, – отозвалась я. – Конечно. Это нелегко».

Молчание.

«Ты там?» – спросила я.

«Да-да, я с тобой».

«Никогда ты по-настоящему не был со мной!» – подумала я. Наверное, это было несправедливо. Пол и в самом деле оставался рядом, старался во всем меня поддерживать, по крайней мере, в первое время. Учил со мной текст в нашей гостиной. Терпеливо сидел на голубом диване и смотрел, как я репетирую. Он даже первым прочитывал критические отзывы на мои спектакли, чтобы я, в случае чего, не расстроилась. И если постановку в статье ругали, всегда говорил: «Да пошел этот урод на хрен! Ты там всех затмила».

Тем самым он словно воскрешал мою мать. Та всегда твердила мне то же самое спяну. Впервые я это услышала, когда во втором классе, исполняя роль Папы-медведя в школьной постановке «Златовласки», забыла текст, и все надо мной смеялись. «Пусть эти идиоты катятся на хрен, – с трудом ворочая языком, выговорила она, обнаружив меня рыдающей за кулисами. А потом, обняв меня за трясущиеся плечи и дохнув в лицо шардоне, добавила: – Ты еще всех их затмишь, слышишь?»

Но Пол говорил мне то же самое трезвым, с ясными глазами, в которых плескались тепло и вера в меня. Кажется, в те моменты он нисколько не сомневался, что именно это мне суждено судьбой.

«Ну и повезло тебе, охренеть», – твердили мои коллеги-актеры, заметив, что Пол снова сидит в зрительном зале, снова с цветами в руках и выражением чистейшего восторга на лице. «Ты сегодня всех затмила, Принцесса». Да, тогда он звал меня Принцессой. Может, поддразнивал за то лето, когда я подрабатывала во Флориде Белоснежкой. А может, это прозвище родилось, когда мы проводили медовый месяц в горах и я пожаловалась, что матрас у нас в номере слишком жесткий. «Прямо Принцесса на горошине», – насмешливо и в то же время восхищенно протянул он. Какая жестокая ирония, что всего через несколько лет судьба швырнула меня на твердый, как камень, матрас, разложенный на полу в гостиной. И Принцессой Пол меня называть давно перестал.

«Я не должна больше ему звонить, – думала я, сжимая во влажной ладони горячий аппарат. – Это в последний раз, клянусь».

«Слушай, Миранда, я сейчас немного занят. Давай я тебе перезвоню?»

«Нет!» – в отчаянии взмолилась я.

«Созвонимся попозже, хорошо?»

Конечно, он не перезвонил. Наверное, новая девушка позвала его помочь ей с ужином. И после они толкались возле мраморной столешницы в нашей кухне – готовили, резали, помещивали. Спагетти с соусом маринара из помидоров, которые они в прошлом году вместе вырастили в саду. Возились бок о бок на запущенном мной заднем дворе, легко нагибались к внезапно сделавшейся плодородной земле, рыхлили ее и улыбались друг другу.

«Кто звонил?» – должно быть, спросила она, поудобнее устраиваясь на кухонном стуле и поджимая под себя ногу.

«А, всего лишь Миранда», – ответил он.

«Золотая рыбка, она должна перестать тебе звонить». В моих жутких фантазиях она тоже называет его золотой рыбкой.

«Да, конечно. Но как мне ей об этом сказать? Понимаешь, у нее ведь больше никого нет. Мать умерла, когда она училась в колледже. А отец – еще раньше, когда она была совсем маленькой. В каком-то смысле я был ей и отцом, и братом».

Когда я представляю себе, как Пол это произносит, мне становится немного легче. Насчет того, что он – моя единственная семья, Пол прав, но роль свою в ней определяет неверно. Не был он мне ни отцом, ни братом, он был мне матерью – матерью, которая не страдает алкоголизмом и не стремится жить жизнью своей дочери.

«К тому же, – наверняка напомнил он своей подруге, – она нездорова».

«И сама в этом виновата, – проницательно заметила та. – И потом, это ведь больше не твоя проблема. Она сама тебя бросила, помнишь?»

После они, наверное, занялись сексом, причем она была сверху. Ему, должно быть, очень нравится, что она способна с ним трахаться, не морщась от боли. Не боится защемить какой-нибудь нерв или сустав. О нет, она отзывчива, полна сил и порой не прочь поэкспериментировать. А еще, разумеется, она может зачать ребенка. Плодородна, как вспаханная земля в их пышно цветущем саду. О боже. Ведь они, возможно, уже пытаются...

Остаток вечера я рыдала. Даже и не подумала о том, чтобы выставить оценки за идиотское эссе. Или подготовиться к сегодняшним занятиям. Или доделать план репетиции, представлявший собой чистый лист бумаги с надписанным сверху красной ручкой названием «Все хорошо???». Вместо этого я посмотрела какой-то жуткий фильм по телевизору, под конец которого мне захотелось свести счеты с жизнью. Заказала ужин из греческого ресторана и съела его, стоя на одной ноге. Писала я тоже стоя, потому что боялась, что если сяду, встать уже не смогу. И, словно на красочный мираж, косилась на свой любимый красный диван, сесть на который не решалась уже больше года. И на мобильный, умирая от желания позвонить матери, хотя и знала, что, даже будь она жива, утешить меня она бы вряд ли смогла. И все же я бы услышала ее голос, голос, по которому жутко скучала. Даже когда он неразборчиво мямлил, даже когда скатывался во тьму, в нем все равно сквозила любовь.

Потом я легла на пол, установив ноутбук над головой при помощи корейского «лежачего столика», который заказала на «Ибэй», и перевела еще немного денег черной козе-инвалидке из Колорадо. Я уже не первый раз это делала. Эта коза родилась с какой-то жуткой болезнью, из-за которой не могла нормально ходить. Ей даже протез козьей ноги сделали. Я снова и снова прокручивала ролик, в котором хозяйка козы, молодая, пышущая здоровьем блондинка, рыдая от любви, тревоги и надежды на то, что парализованной козе, которую ее угораздило спасти, станет лучше, просила помочь ей деньгами.

Потом я смотрела видео, в которых коза стойко переносила все медицинские процедуры и постоянно оказывалась на пороге смерти. И те, где, в недолгие моменты улучшений, она ковыляла на своей искусственной ноге или съезжала со снежной горы на санках. Уши козы хлопали на ветру, и мое сердце рассыпалось на части. Какая же она была счастливая в этих

санках. Мне даже показалось, что на морде ее играет легкая улыбка, и я расплакалась. Такая хрупкая. Такая беспомощная. Несмотря на все свои страдания, умудряется радоваться жизни. Ролик с санками я проигрывала до тех пор, пока не отрубилась на полу.

* * *

Я по-прежнему лежу на полу, но тут в дверь моего кабинета стучат. Потом еще раз. Меня передергивает. Скорее всего, это Фов. Определенно, она. Заглянула проверить, все ли со мной в порядке, – вранье, конечно.

«Как продвигается постановка, Миранда? – спросит она, глядя на меня, распростертую на полу, и скорбно улыбнется. – О, боже, снова страдальцу играешь, да?»

В обычной ситуации я могла бы только посочувствовать человеку, которому выпала должность ассистента. Но Фов, ясное дело, особый случай. Она твердо уверена, что это ей, защитившей диссертацию по «Кошкам» и пару лет подвизавшейся в музыкальном театре, должны были предложить место доцента, ей, а не мне. Что это ей должны были выделить мой кабинет. Что это она должна была урвать мою должность. В конце концов, у нее ведь есть когти. Всегда ярко покрашенные и блестящие.

К тому же она за версту чувствует, что я – мошенница.

«Где вы защищали докторскую, Миранда?» – спросила она в нашу первую встречу. Делая вид, будто умирает от любопытства, а вовсе не знает ответ заранее.

«Миранда – актриса», – сообщила ей Грейс, погладив меня по спине. Тогда она еще меня любила. Ей нравилось, что я – творческая натура, а не научный работник. И не расхаживаю с шомполом в заднице, как остальные сотрудники факультета.

«Актриса, – повторила Фов, вытаращив глаза. – Правда? Я могла вас где-то видеть?»

«Я долгое время выступала в Массачусетсе. – Вранье. – И, конечно, принимала участие в шекспировских фестивалях. Во множестве фестивалей, – снова солгала я. – В Эдинбурге, в Айдахо».

«В Айдахо, – охнула Фов. – Вот оно что».

Я стараюсь напомнить себе, что доля ассистента весьма незавидна, что на этой должности легко превратиться в стерву. Ведь, глядя на коллег, ты наверняка постоянно думаешь: «Какого черта это вас, а не меня, взяли в штат?» И, в общем, не удивительно, что Фов окрысилась на меня. Кривобокую и вечно подтормаживающую из-за лекарств. Теряющую нить разговора на полуслове. С три короба навравшую в резюме. Меня легко подсидеть. Нужно только запастись терпением, тщательно записывать болтающейся на шее ручкой порочащие меня факты и вовремя собрать чемодан, чтобы не пропустить крушение моего поезда. А как только он сойдет с рельс, оказаться тут как тут и собрать обломки.

«Чем я могу тебе помочь? – спросит она. – Вчера мне показалось, что ты просто с ног сбиваешься. И студенты очень расстроены».

Тук-тук – снова стучат в мою дверь.

Нет, это не Фов. Стук деликатный. И почему-то от этого звука мои глаза, устремленные на оборотную сторону столешницы, наполняются слезами. Паук уже куда-то уполз.

– Кто там? – спрашиваю я.

От одной мысли, что это может быть Бриана, меня пробирает дрожь. Впрочем, если это Грейс, тоже не легче. Не хочу сейчас ее видеть. О боже, и, пожалуйста, только не Хьюго. Если это Хьюго, я просто...

– Это Элли, – тихонько произносит голос за дверью.

И в царящей у меня внутри темноте вспыхивает маленький огонек.

– Елена, – шепчу я.

– Что?

– Подожди минутку.

Стараясь не пыхтеть, я поднимаюсь с пола. Ноги подо мной тут же подламываются, и я привычно опираюсь о стол. Но нельзя, чтобы Элли увидела меня такой. Я заставляю себя опуститься на кресло. И тут же вскрикиваю от режущей боли в коленях.

– Профессор, вы в порядке?

– Да-да, заходи, – отзывается я.

Элли входит нерешительно, как всегда. Одеты она во что-то унылое. Вдоль бескровного лица свисают тусклые волосы. Серые глаза, как обычно, смотрят скорбно. Опущенные руки подрагивают, а пальцы то сжимаются, то разжимаются, выдавая тревогу. Как же я рада ее видеть.

Элли извиняется, что побеспокоила. Но я заверяю, что все в порядке. Конечно же, она меня не побеспокоила. Я всегда ей рада, пусть заходит в любое время. «Садись, моя дорогая».

– Профессор Фитч, вы уверены, что с вами все в порядке?

Как искренне она за меня переживает.

– Все нормально, Элли, – отзывается я. – Все хорошо. – И пытаюсь улыбнуться, но выходит неубедительно.

Элли смотрит на меня своими всевидящими печальными глазами.

– А на вид не скажешь, профессор Фитч.

– Что ж, Элли, по правде говоря, я не в лучшей форме.

– Вам больно? – Она задает этот вопрос так осторожно, словно он сам по себе способен ранить.

Мудрая, чуткая Элли.

– Просто старая травма. Еще с тех времен, когда я выступала на сцене, – отвечаю я. – Боюсь, я так от нее и не оправилась.

– О, мне так жаль. – Она определенно не лжет. Опускает голову, и я вижу блеклые светлые корни ее выкрашенных в блеклый темный цвет волос. – Я могу вам чем-то помочь?

Смотрит она на меня точно так, как, по моим представлениям, Елена должна смотреть на Короля Франции, предлагая ему исцелить его с помощью чудодейственной мази своего покойного отца. Или это была не мазь? Снадобье! А может, колдовство? Она искренне хочет помочь, но при этом желает получить взамен кое-что, кое-что невообразимое.

Мне хочется сказать ей: «Элли, надеюсь, ты понимаешь, что я не даю тебе главные роли по единственной причине – из-за родителей этой сучки Брианы. Как бы мне хотелось, чтобы это ты играла Джульетту в прошлом сезоне. Ты была бы дивно хороша с этим сжигающим тебя печальным огнем и румянцем, всегда вспыхивающим при виде Тревога, нашего Ромео. Целых три месяца ты бы постоянно была с ним рядом. Три вечера в неделю ощущала его дыхание на своем лице. Вдыхала его мальчишеский мускусный запах. Смотрела в его прекрасные пустые глаза. Слушала его глупый звучный голос. Чувствовала, как близко его губы находятся от твоего непроколотоу уха, и все темные волоски на твоём бледном теле вставали бы дыбом. Он бы стискивал твои холодные руки в своих влажных жарких ладонях. А ты бы потом еще несколько месяцев, а то и лет вспоминала эти мгновения, когда мастурбировала. Перебирала бы их в уме, лежа в темноте, измученная уходом за больной злобной матерью, не понимающей, какое ты чудо. Как твой педагог, как – в некотором роде – вторая мать, я была бы счастлива дать тебе этот опыт. А не назначать тебя на роль кормилицы и смотреть, как ты жмешься на задворках сцены в безвкусной одежде служанки и гриме, благодаря которому кажешься пожилой женщиной. Оттеняешь великолепие Брианы/Джульетты. Глядишь на них с Тревогом и задыхаешься от ревности и горя. Однако страдания очищают душу. Заставляют ее изнывать от боли. А боль, Элли, – это великий дар для актера. Тяжкое бремя, но и дар тоже. Она дает внутреннее содержание. Если, конечно, ты способна ее контролировать».

Мне хочется сказать ей: «Ты моя истинная Елена».

Но, конечно, я ничего подобного не произношу. А говорю просто:

– Элли, ты знаешь что такое боль. И, надеюсь, понимаешь, что это дар. Ведь ты же начинающая актриса.

Элли не знает, что сказать. Она явно не в своей тарелке. Сидит, уставившись на свои скучные черные брюки, словно надеется найти ответ где-то между складок ворсистой ткани. На шее ее болтается маленький дешевенький кулон в виде серебристой пентаграммы.

– Спасибо, – шепчет она, уткнувшись взглядом в колени.

«Просто не понимаю, что ты нашла в этой девочке», – часто говорит Грейс.

Я отвечаю: «Все». А если пьяна, сразу начинаю всхлипывать. И Грейс тогда отворачивается.

«По-моему, в ней есть что-то жутковатое», – однажды заметила она.

«Разве не во всех нас в этом возрасте было что-то жутковатое? – возразила я. – Во мне так точно. А в тебе?»

«Нет», – отрезала Грейс.

Я смотрю на Элли. Молчание ее лучше тысячи слов.

– Элли, что я могу для тебя сделать?

– Я хочу вас предупредить, – говорит она, и бледное личико ее принимает очень серьезное выражение.

– Предупредить?

Она кивает. И через плечо оглядывается на коридор. Дверь она оставила приоткрытой. Но закрывать ее уже слишком поздно.

– Студенты выражают... недовольство.

– Недовольство?

– Они кое с чем не согласны.

Острая боль пронзает мое бедро, позвоночник и кости таза.

– Так они недовольны или не согласны, Элли?

Она снова воровато оглядывается, потом поворачивается ко мне и шепчет:

– Мне кажется, они собираются написать жалобу.

Тело горит. Позвоночник ходит ходуном. Бедра вспухли. Ноги требуют немедленно вскочить, хотя стоять у меня получается не лучше, чем сидеть.

– Жалобу?

Она кивает.

– На что же?

Разумеется, я знаю, на что. И отлично понимаю, кто выступил зачинщиком. Могу себе представить, как она подговаривает остальных, в праведном гневе встряхивая пышными блестящими волосами. Эшли/Мишель, надо думать, горячо ее поддерживает. Как и Фов, которая, без сомнения, успела пошептаться с ней после репетиции. «Дорогая моя, просто хочу, чтобы ты знала, что я сразу заметила, какая Миранда упертая. И считаю, что ты абсолютно права. В конце концов, это твой театр. Если потребуется поддержка, просто дай знать». Тревор, ее правая рука, тупо кивает, как Первый убийца в «Макбете». А потом они всей компанией отправляются в кабинет декана.

Или не так.

Может быть, приехав на выходные домой, Бриана пожаловалась на меня своим родителям-толстосумам. Воображаю окутанную золотистым светом столовую. Бриану с сияющими в свете люстры волосами, сидящую на золотом троне с подлокотниками в виде когтистых лап. Лениво ковыряя отварного лосося и тушеную спаржу, лежащие перед ней на тарелочке, она вздыхает: «Миранда заставляет меня играть несчастную бестолковую девственницу!» Родители сочувственно кивают, прихлебывая янтарное вино из хрустальных бокалов. Потом мать, зажав изящную ножку в наманикюренных пальчиках, звонит своему давнему другу – вице-

президенту колледжа. И жалуется на безумную преподавательницу, упорно желающую ставить пьесу, о которой они с дочерью даже не слышали. «Все хорошо, что хорошо кончается?» Это вообще Шекспир написал? Неужели ничего нельзя сделать? Конечно же, можно.

– Некоторые студенты, – продолжает Элли, снова быстро оглянувшись через плечо, – очень расстроены тем, что в этом году мы собираемся ставить эту пьесу. И решили на вас пожаловаться. Официально. Я подслушала.

Кровь бросается мне в лицо. Я поднимаю глаза на Элли.

Теперь она на меня не смотрит. Уткнулась взглядом в свои обтянутые черными брюками полные бедра. Это все потому, что она очень чуткая – дает мне время переварить эту информацию и взять себя в руки. И все же заметно, что она очень злится на них из-за меня.

– Когда ты это услышала?

Голос у меня совершенно спокойный. Чистое любопытство. Никакой паники.

– После репетиции. Когда уходила.

Я не могу плакать на глазах у Элли. Я себе этого не позволю. «Не смей! Не смей!»

– Спасибо, Элли. Спасибо, что дала знать.

Вот теперь голос у меня определенно дрожит. Ей пора идти.

– Профессор Фитч?

– Да, Элли.

– Хочу, чтоб вы знали, что я в этом не участвовала. Я бы никогда...

– Конечно, я понимаю.

– Просто мне показалось, что вы должны быть в курсе.

– Разумеется. Спасибо, что сказала.

– Профессор?

Пытаюсь силой мысли заставить Элли уйти. Чтобы я могла выплакаться. Упасть под стол. И успеть принять таблетки, пока не началось занятие «Шекспир на сцене».

– Да?

– Не знаю, заинтересует ли вас это, но...

Она откашливается, и мне вдруг кажется, что сейчас она достанет свой блокнот Волшебницы Шалот и начнет зачитывать мне вслух печальные стихи.

Но Элли только очень пристально на меня смотрит.

– Я делаю смеси для ванн, профессор, – говорит она. – И с радостью приготовила бы одну для вас.

– Смеси для ванн?

– Из разных сушеных трав, масел и солей, – быстро объясняет она. – Знаете, они целебные. И расслабляющие. Может быть, они и вам смогут помочь. Они ведь обладают восстанавливающими свойствами.

Она вспыхивает, на бескровной шее посверкивает кулон в виде пентаграммы.

– Я готовлю их для знакомых, – добавляет она. – И иногда для себя.

– Правда?

Представляю, как она, напустив в ванну воды, лежит в темноте с этим поблескивающим кулоном на шее. Мокрые волосы зачесаны назад, сквозь клубы пара проглядывает освещенное огоньком свечи бледное лицо. А глаза ее сосредоточенно закрыты.

– Вы не против, если я сделаю смесь для вас? – спрашивает Элли.

Я силюсь улыбнуться.

– Элли, уверена, у тебя есть более интересные занятия, чем готовить мне смесь для ванн.

Но она не улыбается в ответ. Просто смотрит с убийственной серьезностью.

– Я с радостью. Мне вовсе не сложно.

– Что ж, боюсь, я не особенно люблю принимать ванну. Но спасибо. Спасибо за заботу!

Телефон на столе начинает звонить. Декан? Вполне возможно. Мы с Элли одновременно оглядываемся на аппарат.

– А я все равно вам ее сделаю, – заявляет она и встает.

Вешает на плечо холщовую сумку. А потом улыбается, и мне кажется, что в глазах ее теплится любовь.

– Увидимся на репетиции, профессор Фитч.

* * *

Класс – черная дыра. «Шекспир на сцене» – что за идиотская шутка! Я окидываю взглядом своих студентов. Обреченных. Будущих безработных. И мне хочется крикнуть им: «Вы обречены!» Но говорю я:

– Добрый день!

И пытаюсь опереться о стол, но из-за того, что я так долго просидела с Элли, даже эта поза стала невыносима. Я невольно постанываю. Мое лицо – я это точно знаю – кажется бледным и измученным. Губы пересыхают, сколько бы я их ни облизывала. Хорошо, что это занятие можно пустить на самотек. Дать им прочесть по ролям какую-нибудь пьесу. В конце концов, пьесы ведь пишутся для того, чтобы их играли. Вот и пускай разыграют сцену. Или даже две, почему бы и нет? Разобьются на группы и обсудят, как это можно было бы поставить на сцене. Притом обсудят *подробно*. Поделятся друг с другом идеями. А ты, стоя у стены и из последних сил стараясь не умереть, будешь делать вид, что все подробно записываешь. А если время все равно останется, включишь им видеоролик. И пускай смотрят – с начала до конца. Любуются на молодых и красивых Патрика Стюарта и Иэна Маккеллена⁶. Наслаждаются современной и абсолютно неубедительной постановкой «Отелло» от «Лайфтайм». Силятся что-то разобрать в дрожащем видео, запечатлевшем «Сон в летнюю ночь», представленный на фестивале в национальном парке Юты. Это все очень полезно и поучительно. Главное – не обращай внимания на вибрирующий в кармане мобильник. Ведь это наверняка декан. Стоит сейчас у окна в своем кабинете, разглядывает зеленый кампус, кукольные домики общежитий, белую церковку и прочие составляющие этого его игрушечного колледжа. Прижимает мобильный к уху и глупо улыбается. Должно быть, и Фов там, радостно предвкушает мое грядущее унижение. Она вообще часто заглядывает к декану – втирается в доверие. Таскает ему кофе, выпечку и новые галстуки со зверушками.

«Как увидела в магазине эту прелесть в маленьких осликах, почему-то сразу подумала о вас».

А он в ответ: «О, Фов, вы такая внимательная».

Конечно, она ему на меня уже жаловалась. Твердила, что мои режиссерские способности и педагогический опыт вызывают у нее большие сомнения. «Она вообще преподавала раньше? Да, я знаю, что она не научный работник, но она ведь и не профессиональная актриса. Где она там играла, в парочке фестивальных постановок?» Декану общаться с Фов очень нравится. Она скрашивает ему послеобеденные часы, которые в противном случае он бы провел, тупо улыбаясь в стену. Но сегодня у него есть еще одно развлечение – пытаться дозвониться до меня.

«Возьми трубку, возьми трубку», – заклинает он. По счастью, не способный управлять мной силой мысли.

«Не возьму, – мысленно отвечаю я ему. – У меня занятие. Вы что, забыли расписание? «Шекспир на сцене», с 2.30 до 3.45, алло? Мои студенты сейчас получают важный жизненный урок».

– Мисс Фитч?

⁶ Патрик Стюарт и Иэн Маккеллен – британские актеры, прославившиеся ролями в шекспировских постановках.

Меня окликает сидящая в дальнем углу Скай. Милая Скай. Вся в черном. Длинные волосы, покрашенные блестящей бирюзовой, как морские волны, помадой губы. Русалочка-металлистка.

– Да, Скай?

– Кендалл, – поправляет девушка. Каштановый боб. Приплюснутая, как у мопса, мордочка. – Кто такая Скай? – растерянно спрашивает она.

– Скай?

Я окидываю класс взглядом, но Скай нигде не видно. Тут только мои привычные студенты, которые пялятся на меня с привычным ужасом.

– Мисс Фитч, вы в порядке?

Я вглядываюсь в их обращенные ко мне лица. Наконец-то никому не скучно.

«Мне кажется, это станет для тебя грандиозным начинанием, Миранда, – сказал Пол, когда я получила эту работу. – Нет, правда». А сам смотрел на меня и сиял. Как будто верил, что, значит, и наша с ним жизнь все же может наладиться. Что эта работа может спасти меня, спасти нас. Помню, как он отвел от моего лица волосы и поцеловал меня так, как не целовал уже очень давно. «Давай сходим куда-нибудь, отпразднуем?»

«Хорошо». Я попыталась улыбнуться, чтобы скрыть от него гнетущие меня мысли. Что я по уши завязла в болоте. И скоро оно окончательно меня поглотит.

«Студенты в тебя просто влюбятся. И работа-то не пыльная. Да ты, не приходя в сознание, могла бы ее выполнять».

– Мисс Фитч? Мисс Фитч, вы...

– Все нормально. Давайте сегодня закончим пораньше. Отдыхайте. Вы так старались...

Чистейшая ложь. Я постоянно им вру. Но это всегда срабатывает.

– Доброй ночи, – говорю я им, когда они направляются к двери.

– Мисс Фитч, еще ведь даже вечер не наступил.

* * *

Прежде чем потащиться в театр на репетицию, я захожу в туалет и разглядываю себя в зеркале. «Вот тебе и конец пришел», – медленно, спокойно говорю я себе. Это ведь правда. Меня просто проглатывают, как таблетку, которых я сама проглотила сотни. И переваривают. «Ты больше не женщина. Не сексуальный объект». Я внимательно вглядываюсь в эту истину, и слезы не наворачиваются мне на глаза. Собственные обломки меня гипнотизируют. Завораживает лицо, по всей вероятности, мое собственное, исчерченное страдальческими морщинами, которые я не пытаюсь скрыть. Раньше... Ох, раньше я бы пыталась. Красила бы свои бледные потрескавшиеся губы алой помадой. Щипала бы себя за щеки или шлепала по ним щеткой, пока не порозовеют. А седые волоски выдрала бы. Подобно женщине, которая, цепляясь за лопухи и пачкая руки землей, пытается снова вскарабкаться на отвесный утес, с которого недавно свалилась. Отчаявшееся создание, погрязшее в отрицании очевидного. Моя мать, упокой господи ее душу, одобрила бы такую стратегию. Мне часто вспоминается один эпизод, произошедший незадолго до ее смерти. Как она, пьяная, как всегда в тот период, напевая, поправляла полотенца для лица в гостевой ванной. А с первого этажа, из кухни, уже валил дым. Мать сожгла жир на плите и напрочь о нем забыла. Стояла в ванной, прижавшись лбом к кафелю, разглаживала крошечные бесполезные полотенца и распевала: «Que Sera, Sera»⁷.

⁷ Que Sera, Sera («Чему быть, того не миновать») – песня, написанная дуэтом поэтов-песенников Джем Ливингстоном и Джем Эвансом, впервые прозвучавшая в фильме Альфреда Хичкока «Человек, который слишком много знал».

Глава 6

Придя на репетицию, я обнаруживаю, что в зале нет никого, кроме сидящей на краю сцены Элли. На плече ее болтается холщовая сумка, прямые темные волосы обрамляют круглое и бледное, как луна, лицо. Сильно подведенные глаза смотрят мимо меня – на замусоренную сцену, на пушистые комки пыли, сереющие в ярком свете софитов. «Мне так жаль, профессор, – как бы безмолвно говорит Элли. – Я ведь вас предупреждала».

Я окидываю взглядом жутковатый пустой театр. Даже Грейс не пришла. Представляю, как торжествует сейчас Бриана. Должно быть, улыбается. Сидит в спальне перед трельяжем и разглядывает себя в зеркале, а мать, стоя позади с бокалом золотистого вина в руке, длинными плавными движениями расчесывает ее сияющие волосы. «Все улажено, милая».

С моих губ невольно срывается низкий жалобный вскрик.

– Мне так жаль, профессор Фитч, – говорит Элли.

– Все нормально, Элли, – улыбаюсь я. – Уверена, ребята с минуты на минуту появятся.

Элли смотрит на меня, как на сумасшедшую.

– Простите, профессор, но, по-моему, сегодня никто не придет.

– Разумеется, они придут, Элли, – возражаю я. Зачем я ее переубеждаю? – У нас же репетиция.

Я приваливаюсь к краю сцены, словно и в самом деле ожидаю, что студенты вот-вот появятся. И под взглядом украдкой косящейся на меня Элли набираю номер Грейс. Нет ответа. Иногда она перед репетицией отправляется позаниматься в институтский тренажерный зал. Устраивает себе, по ее собственному выражению, «силовой день». В театр она наверняка демонстративно явится в спортивном костюме и с бутылкой какого-нибудь тонизирующего напитка в руках. А может, успеет переодеться в брюки и жилет и нагрянет сюда с еще влажными после душа волосами, прямо-таки излучающая здоровье. Бодрая, собранная, энергичная – смотреть противно. И все же я бы многое отдала, чтобы она сию минуту решительно вошла в зал. Снова набираю ее номер. Потом отправляю сообщение: «Где ты?»

А затем, обернувшись к Элли, улыбаюсь так, словно все идет по плану. Словно мое тело не собирается с минуты на минуту мне изменить. Словно ее образ не двоятся у меня в глазах. Словно все хорошо.

– Итак, Элли, – начинаю я, – раз уж мы все равно ждем, пока народ подтянется, давай, что ли, немного разомнемся? Попробуй продекламировать монолог Елены.

Элли в растерянности смотрит на меня.

– Но ведь Елену играет Бриана.

– Что ж, Брианы здесь нет, правда?

– Правда.

– А ты ее дублерша, так?

– Так.

– Вот и давай порепетируем. На всякий случай. Мало ли что может случиться с бедняжкой Брианой. Несчастный случай. Внезапное недомогание. Грипп. Мононуклеоз. Всякое бывает, Елена.

– Елена?

– В смысле, Элли. Давай-ка, Элли, попробуй сыграть Елену.

Элли оглядывается по сторонам.

– Но здесь больше никого нет.

– А тебе никто и не нужен! – резко бросаю я.

И тут же беру себя в руки. Два глубоких вдоха – как учил Марк в те времена, когда у него еще был для меня – для нас! – план, в те времена, когда он еще верил, что меня можно вылечить.

– В этот момент ты на сцене одна, помнишь?

– Да.

– Ну так начинай. А я сейчас вернусь. Остальные наверняка уже на подходе. Загляну в холл, проверю.

Но и в холле тоже так пусто, что жуть берет. Ни Грейс, ни студентов. Только негромко гудят торговые автоматы. Стены здесь увешаны нашими старыми афишами и фотографиями со спектаклей. «Буря». «Как вам это понравится». «Ромео и Джульетта». И с каждого снимка, из самого темного угла, гляжу я – словно сама все это сотворила. Сама выбрала такую жизнь. Только лицо меня выдает, лицо, с каждой новой фотографией принимающее все более страдальческое выражение. И глаза, которые стекленеют все сильнее и западают все глубже. И согбенная фигура, утопающая в тусклом темном платье. А вот Грейс на всех снимках одинаковая. Серьезная молодая женщина в жилете с карманами. И прическа у нее везде одна – рыжевато-каштановые волосы подстрижены под Жанну д'Арк. На губах играет зловещая ухмылка охотника, позирующего рядом с подстреленной добычей. После она разделает тушу – мясо съест, шкуру продубит, а голову приколотит к своей пенно-розовой стене. Были времена, когда Грейс твердо верила, что я всегда поступаю правильно. Считала меня своеобразным амулетом. «Я однажды видела тебя на сцене в Бостоне, – сказала она мне в день нашего знакомства, в день, когда я впервые оказалась в кампусе. – В «Зимней сказке». Ты играла Пердиту. Мне очень понравилось». И я поняла, что в устах Грейс это была наивысшая похвала. Позже, когда мы вместе ходили пропустить по стаканчику, она как-то призналась, что тоже в свое время подумывала о сцене. И даже играла Леди Брэнкнелл, безжалостную мать, в студенческой постановке «Как важно быть серьезным».

«Леди Брэнкнелл? – скривилась я. – Да кто там у вас роли распределял?» И сразу вспомнила болтавшийся у нее на кошельке брелок в виде розовой балетной туфельки. Вспомнила, как Грейс, округляя глаза, расспрашивала меня о том лете, когда я играла Белоснежку. «Как по мне, ты прирожденная Сесили», – добавила я. Сесили, розовая роза, символ элегантной женственности. Грейс глянула на меня поверх кружки. Глаза ее сияли.

«Давай ставить спектакль вместе», – предложила она после того, как я отработала в колледже первый семестр.

«Давай», – согласилась я.

Но теперь я определенно пала в ее глазах, теперь нас с Грейс разделяет огромное расстояние. И все же, не могла ведь она меня предать? Я кошусь на экран телефона. По-прежнему ни одного сообщения.

– Что происходит? – спрашиваю я у пустынного холла.

А потом замечаю, что дверь театральной мастерской приоткрыта, и из щели виднеется полоса света. Логово Хьюго. Кажется, там негромко играет музыка, до меня доносится приглушенный гитарный рокот. Сердце в груди колотится, как бешеное. Он там. Все еще работает над постановкой, моей постановкой. Создает для нее осязаемый мир.

Вхожу. В нос мне, кружа голову, ударяет сладкий запах древесины. И от этого почему-то сразу накатывает умиротворение. В высокие окна мастерской светит неяркое вечернее солнце. Тут и там громоздятся прислоненные к стенам незаконченные фрагменты декораций. Одни представляют собой изысканный интерьер французского дворца, другие – пышную природу Италии: голубое небо, зеленую листву и виноградные лозы, освещенные ярким солнцем. Небо, листву и лозы из «Все хорошо».

Я окидываю мастерскую взглядом, и мое сердце воспаряет. А боль слегка унимается. Больше не кричит криком, только шепчет. Стул с ноги сдвинули. И паутина теперь мерцает едва-едва.

И вдруг я замечаю его. Накрытый куском ткани, он стоит в центре большого деревянного верстака. Макет. Миниатюрные декорации к постановке, мини-портрет вселенной моего спектакля.

В волнении я ковыляю к нему. Честно признаться, я и не думала, что еще способна передвигаться так быстро.

Интересно, какую мою идею он воплощает? Может, это акт первый, сцена первая? Где Елена рассказывает зрителям о своих горестях: она без ума от Бертрама, но ей ни за что его не получить? Или это та сцена, в которой она с помощью колдовских чар исцеляет Короля? Или момент, когда воспрявший духом Король приказывает Бертраму жениться на Елене, а тот не желает брать ее в жены, и все зрители мгновенно проникаются к нему ненавистью? Или тот, где Елена получает от Бертрама ледяное письмо, в котором он объявляет, что уезжает в Италию на войну, потому что лучше умрет, чем станет ей мужем? А может быть, это финал, в котором Елена, перевернув небо и землю, все же заставляет Бертрама ее полюбить? И тот, наконец, объявляет и ей самой, и всему миру, что видит ее, видит по-настоящему – в той единственной совершенно невероятной строчке.

– Миранда?

И вот он возникает передо мной – в руке зажат молоток, волосы занавешивают глаза. На нем футболка с Led Zeppelin и знакомые заляпанные краской джинсы. И похож он на обдолбанного норвежского бога.

– Хьюго, – шепчу я.

– Миранда, – отзывается он. – А я услышал какой-то шорох и вышел на шум.

Он улыбается, и внутри у меня вспыхивают зловещие искорки.

Что мне рассказать вам о Хьюго, кроме того, что какое-то время мне казалось, будто я его выдумала? Соткала из воздуха и «валиума», чтобы было ради чего ходить на работу, ради чего жить дальше. Но нет, я его не наколдовала. Хьюго – реальный человек. Раньше он работал на заводе, а потом сделался мастером на все руки у нас в колледже. Зимой и весной помимо основных обязанностей он еще мастерит декорации для институтского театра. Хьюго так хорош собой, что кажется, будто бог прислал его сюда, чтобы сыграть над факультетом английского языка злую шутку, поглумиться над шабашем несчастных издерганных поклонниц Стинга. «Видели, ведьмы старые? – как бы говорит нам он. – Вот она – жизнь. Прямо перед вами. Благоухает вечной юностью. Мастерит из дерева что-то невероятное своими крепкими, перевитыми венами руками. Смотрите на него, вожделейте его! Любуйтесь виноградными лозами татуировки, взбирающейся вверх по его мускулистым предплечьям, намекающей, что его породила сама земля, что он – ее самое лучшее, самое чудесное дерево».

А еще Хьюго сидел в тюрьме. Понятия не имею, за что его туда уперли. Но мы с Грейс любим строить догадки на эту тему. «Покушение на убийство? Угон машины? Нападение с отягчающими? Как думаешь, на кого он мог напасть? Я почему-то не сомневаюсь, что они сами напросились».

«Миранда, какая разница? Самое главное, что он великолепен, как мастер декораций».

«О да, это правда. Он великолепен».

Как-то на вечеринке после спектакля Хьюго рассказал мне, что это в тюрьме он увлекся Шекспиром и научился делать декорации. А до этого ему и на Шекспира, и на театр было насрать – «Простите, Миранда».

«О, что вы, не извиняйтесь, пожалуйста», – отозвалась я. В темном переулке моего сердца шелестели опавшие листья.

Там же, в тюрьме, он научился создавать целый мир, располагая минимумом инструментов и материалов. А потому для институтского театра с его практически отсутствующим бюджетом оказался великолепной находкой. Так я и сказала ему на той вечеринке: «Вы великолепны».

Хьюго растерялся, не зная что ответить.

Тихо пробормотал: «Спасибо», отпил вина из стаканчика и ретировался к компании своих приятелей из техперсонала. Они стали громко обсуждать концерт какой-то хеви-метал группы, на который ходили все вместе. От меня же не укрылось, как увивалась вокруг них Фов, картинно округляя глаза и заливаясь над каждой шуточкой Хьюго. Уж очень старалась показать, что ей интересно, что она вовсе не ханжа с шомполом в заднице и неизменно играющим в машине Сондхаймом⁸, а своя в доску отвязная девчонка. Что вы, она просто обожает хеви-метал! Вот даже и разговор о нем может поддержать – ну, видимо, раз сочла нужным влезать. И вот что странно – Хьюго слушал ее довольно внимательно и даже кивал головой.

Я отправилась разыскивать Грейс и нашла ее в уголке с сигаретой. Наверняка она видела всю эту сцену, но мне сказала лишь: «Зажигалку?»

Я никогда не смогу заставить себя заглянуть Хьюго прямо в его странно поблескивающие глаза. Такие безмятежные, всегда словно слегка затуманенные. Цвет их постоянно меняется – в зависимости от освещения. Я никогда не посмею открыто залюбоваться его волосами цвета спеющей на солнце пшеницы. Никогда не смогу остановить взгляд на его губах, еще более идеальных из-за короткого неровного шрамика в уголке рта, благодаря которому кажется, что Хьюго постоянно усмехается. Может, он в тюрьме его заработал? Что уж говорить о настоящей его улыбке, той, с которой он сейчас смотрит на меня! От нее все мое тело делается светящимся и невесомым.

– А я вас в театре и не заметил, – говорит Хьюго.

«Еще бы, – думаю я. – Как ты мог меня заметить?»

В былые времена я могла заставить таких как Хьюго ползать передо мной на коленях. Мне вспоминается та молодая женщина, которой я была когда-то. Ее яркий портрет из старой театральной программки «Все хорошо». Она до сих пор хранится у меня на самом дне мертвого ящика с нижним бельем, и иногда ночами я достаю ее и мучаю себя. Листаю ветхие блестящие страницы. И вот оно! Мое невозможно лучезарное юное лицо, обрамленное каскадом темных волнистых волос. Невероятная красота! Капля жестокости. И блаженное неведение относительно будущего.

– Простите, что нагрязнула без предупреждения, – говорю я. – Просто услышала музыку и...

– Пришли на шабаш⁹, значит? – усмехается Хьюго.

А я смотрю на него, надеясь, что сумела изобразить на лице нечто похожее на улыбку.

– Не извиняйтесь, – продолжает он. – Я всегда рад вас видеть.

Да ладно? Серьезно?

– Эй, Миранда, вы в порядке?

«Не смей жаловаться ему на свои боли. Даже не вздумай, карга ты старая. Чшш!» – шипит молодая прекрасная Я. И подносит свой изящный пальчик к ярким, как вишни, губам. Я же сжимаю свои, потрескавшиеся, и киваю:

– Ага, просто репетиция. В смысле, жду, когда она начнется. Почему-то пока еще никто не подошел.

Я опускаю глаза на усыпанный опилками пол. Ни за что не дам себе расплакаться перед Хьюго.

⁸ Стивен Джошуа Сондхайм, американский композитор, поэт и драматург, автор многих бродвейских мюзиклов.

⁹ У Хьюго в мастерской играет группа «Black Sabbath», название которой можно перевести как «Черный Шабаш».

– Оу, – мягко отзывается он. – Мне жаль.

И я вспоминаю, как на прошлой репетиции он глянул на меня с жалостью. Видел, как меня унизили проклятый Тревор и молча ухмыляющаяся Бриана. И теперь под его взглядом щеки мои неудержимо алеют.

– Все нормально. Уверена, они придут с минуты на минуту, – сообщаю я полу.

– Да, конечно, – покладисто соглашается Хьюго. Подняв глаза, я вижу, как он вытаскивает из-за своего идеального уха сигарету. И меня словно волной захлестывает – так и хочется впитаться в это ухо зубами. – Как-то рановато для мятежа, так ведь?

– Бунтовать никогда не рано, – шепчу я.

Хьюго смеется. Думает, я шучу.

– Вообще-то, Миранда, я рад, что вы зашли.

О боже, мое имя у Хьюго на устах. Я закрываю глаза.

– Правда?

«Да не в буквальном же смысле, идиотка! Это обычная профессиональная вежливость, аллю!»

– Ага, хотел вам показать... впрочем... – смеется он. – Вы, кажется, уже его нашли. Я про макет. – Он кивает на накрытый тканью ящик.

– Да. Правда, я еще его не видела. Но мне не терпится посмотреть.

Юная и прекрасная Я качает головой со страницы театральной программки. Безнадежна. Она безнадежна.

– Это пока так, предварительный набросок. Я только сегодня его сделал. И хотел узнать ваше мнение, прежде чем продолжить над ним работать.

– Вы хотели узнать мое мнение? – Я так тронута, что это просто нелепо.

– Конечно. Я ведь помню, у вас был свой особый взгляд на «Все хорошо».

И я вспоминаю, как прошлым летом мы с Хьюго сидели в закускойной и обсуждали мое видение пьесы и декораций к спектаклю. Признаюсь честно, перед встречей я выпила, несмотря на то, что в тот день проглотила уже уйму таблеток. И все равно мне даже сидеть было больно. Но я все же села, разумеется, села и взяла в руки чашку с чаем, который не собиралась пить. Села, неспособная переварить тот факт, что напротив меня он, Хьюго. Что мы с ним вместе в закускойной, как будто на свидании. В тот день он надел футболку с *Cornered by Zombies*. Было два часа дня. За соседним столиком какая-то сумасшедшая в фуражке с козырьком что-то негромко бормотала себе под нос. Я пыталась поддерживать светскую беседу – «Как вы провели лето?» и все такое – но получалось просто ужасно. И все же Хьюго вежливо мне подыгрывал, рассказывал, что делал кресла в адирондакском стиле и ходил на концерты металлистов. И в театр тоже заглядывал, не подумайте, быстро добавил он, словно разговаривал со строгой начальницей. Еще пару раз отправлялся в походы, ну и вообще проводил много времени на свежем воздухе. Это ведь так здорово, побросать вещи в рюкзак и свалить из города. Полазить по горам и все такое, правда?

«Ага», – отозвалась я, словно и в самом деле представляла, каково это. И тут же вообразила, как мы с Хьюго вместе сбегает в поход по горам. Или сидим у него в саду (у него ведь наверняка есть сад?) на им же самим сколоченных креслах. Представила, как я стою позади него на хеви-метал концерте, и от грохота у меня вибрируют кости. Полный восторг.

«А вы как? – спросил он. – Чем занимались летом?»

Я вспомнила, как лежала на полу в собственной гостиной и подвывала в темноте. Как смотрела по телику реалити-шоу, а в интернете – ролики про козу-инвалидку. И ответила: «Да так, всем понемножку».

Помнится, я не могла заставить себя взглянуть ему в глаза. И говорила в итоге, глядя в стол. Это столу я рассказывала, как представляю себе сценическое пространство спектакля, свет и костюмы. Что вижу Елену женщиной, испытывающей глубокую душевную боль, которую

никто во вселенной пьесы не способен понять. Кроме зрителей, конечно. И все это оттого, что Бертрам ее не любит, даже не замечает, потому что он слеп.

«Конечно», – отозвался Хьюго.

Я убеждала его, что эта пьеса – своего рода готическая сказка, в которой Елене предстоит пройти множество испытаний, чтобы исцелить бесчувственную, слепую душу Бертрама, заставить его открыть глаза и наконец-то ее заметить. А он, увидев ее по-настоящему, разумеется, не может в нее не влюбиться. На этих словах я подняла глаза на Хьюго и обнаружила, что он смотрит куда-то мне за спину. Должно быть, на проходящую мимо официантку. Или стайку девушек. Или на часы на стене. Оборачиваться я не стала. «Звучит здорово, Миранда!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.